

Мария Фомальгаут
Парочка хороших мыслей

Мария Фомальгаут
Парочка хороших мыслей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11642834

ISBN 978-5-4474-2150-2

Аннотация

Книга расскажет вам, как правильно ловить хорошие мысли и хватать за хвост Большую Медведицу, а также приманивать луну и ставить капкан на интеграл.

Содержание

Зеркальная площадь	5
Бомба с часовым механизмом	6
Побег из города	11
Обратная сторона истории	13
Хвост медведицы	14
Где была, Алина?	19
Злой-злой	23
Зараза	28
Неразрушенный город	34
Вера для шамана	38
Принц Джиннистана	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Парочка хороших мыслей

Мария Фомальгаут

В книге используются фрагменты песен «Большая Медведица» (автор Дербенев Л. П.) и «Лишь влюбленному вампиру» (автор Э. Шклярский).

© Мария Фомальгаут, 2015

© Мария Владимировна Фомальгаут, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Зеркальная площадь

Прохожу мимо зеркальной площади

И вроде бы спешил, и вроде бы торопился, а тут все равно замешкаешься, затормозишь, задумаешься.

Потому что мимо зеркальной площади проходишь. Конечно, не по самой площади, боже упаси по самой площади пройти, а мимо – по краешку, по краешку, по самой кромке зеркала.

Боязно.

Еще бы не боязно. Вроде не маленький уже, вроде тридцать лет тебе, а все равно как мальчишка идешь по краешку, и голова кружится, и думаешь – вот-вот упадешь в зеркальное отражение...

Там свой город. У них. Там. По ту сторону зеркала. Свои дома, улицы, свои машины ездят колесами вверх, свои люди ходят вверх ногами. Смотрю, вон остановился парень какой-то, похожий на меня, смотрит на нашу сторону. Знать бы еще, чего ему надо, может, к нам хочет перебраться, у нас же и трава зеленее, и солнце ярче. У них, правда, вода мокрее, но на этом их плюсы кончаются. А может, случилось чего у парня, может, помощь нужна. Киваю ему головой, он кивает в ответ. А что надо, не говорит.

Иду по краешку зеркальной площади. По самому краешку. Как в детстве играли, шли по кромке зеркала, кто наступил, тот, считай, туда упал. И правда страшно, вот так наступишь на пустоту, а вдруг упадешь, вдруг свалишься, и не найдут тебя...

Конечно, не падали. Прыгали по зеркалу, а я не упал, а я не упал.

Иду по краешку.

Смотрю в опрокинутый мир.

Бывало, конечно, что и падали. Вот так Антоха у нас играл, ни разу за черту не ступил, а потом перед девчонками решил покрасоваться, прыгнул на зеркало, упал в бездонное небо, улетел.

Бывает.

Так что все-таки лучше на зеркало не прыгать. Особенно если детям маленьким. Взрослым-то еще ничего, дети, бывает, падают.

Прохожу мимо площади.

Дальше иду.

2015 г.

Бомба с часовым механизмом

Исправления

...происхождение цивилизации в настоящее время не оставляет пищи для сомнений.

Исправить на:

В настоящее время история происхождения разумного вида не оставляет сомнений.

Пометка: пишете слишком витиеватым языком, если тем самым стараетесь казаться умнее, вам это не удалось.

...с древних времен цивилизация отыскивала глубоко в почве останки огромных существ, которые не могли принадлежать ни к одному из известных видов.

Заменить на:

...с древних времен население находило...

Кроме того, прошу Вас подробно описать вымершие виды, хотя бы в общих чертах: электронные лампы, перфоленты, транзисторы, и. т. д.

...попытки воссоздать облик вымерших существ часто приводили к обратному результату.

Это какому же? Так и пишете, коллега, жители не могли воссоздать облик вымерших животных.

...население в основном считало, что видит перед собой какие-то ошибки природы, нежизнеспособные, и потому зарытые в землю.

Да прекратите вы талдычить про свое население! Пишите – жители, и все.

Однако, попытки собрать по кусочкам вымерший вид увенчались успехом, привели к появлению жизнеспособных древних особей...

Исправить:

...собрать по деталям вымершее животное...

Новый виток интереса к данной проблеме наблюдался во второй половине 25 века, когда жители впервые решили сотворить музей вымерших видов...

Изменить:

Когда впервые возникло решение создать музей вымерших видов. И расскажите, коллега, о героическом подвиге наших палеонтологов, которые свозили в музей останки животных из самых дальних краев, нередко рискуя собственной жизнью. Помяните и тех, кто навеки пропал без вести в пустынях, лежит где-нибудь обесточенный, присыпанный песком. Своих героев, коллега, нужно знать поименно.

...причина вымирания крупных видов (ЭНИАК, и т. д) до сих пор не установлена. Возможно, причинной вымирания послужило падение крупного метеорита и изменение климата. Не исключено так же, что исполинские счетчики прошлого получали питание от каких-то иных источников, нежели нефть, уголь и газ...

Полная чушь, коллега. Доподлинно известно, что древние виды питались тем же, что и современные, а массовое вымирание произошло в результате изменения наклона планетарной оси: планета наклонилась и просто-напросто сбросила с себя большинство видов. Оставшиеся в живых не смогли существовать поодиночке.

...помимо очевидных периодов развития жизни на планете (транзисторозой, лампозой, ...) существует период скрытой жизни или криптозой.

Потрудитесь перечислить все периоды развития жизни поименно.

Венцом творения является нанозой, то есть появление миниатюрных видов...

Чтобы я про ваш этот нанозой больше не слышал, коллега. Начитались всякой чепухи, и туда же, диплом писать. Нано – это и есть криптозой, тот самый, когда на заре веков в первичной материи появились самые маленькие, самые примитивные организмы.

...однако, в истории жизни все не так просто, как кажется. В конце 26 века исследователи обнаружили останки сравнительно молодых видов (хей-тач, платы) в очень глубоких слоях, предшествовавших еще арифмометрам. Предположительно, причиной этого явления стало перемещение слоев в результате сейсмического сдвига плит.

Потрудитесь подробно перечислить, кто именно обнаружил останки поздних видов в ранних слоях. Кроме того, вы забыли заклеить неслыханным позором тех мракобесов, которые, выдавая себя за ученых, утверждают, что наша цивилизация пережила множество взлетов и падений, и мы находим в земле остатки великого прошлого, в нашем веке уже недостижимого.

Не забудьте так же указать о загадках эволюции, которые нам только предстоит разгадать. Я имею в виду находки вблизи Олимпа, массовое захоронение останков предположительно андроидов, от которых остались только внутренние каркасы. Мог бы указать Вам список литературы, но не подскажу, потрудитесь подобрать его сами.

...множество мракобесовских учений и верований, утверждающих, что наша цивилизация ведет свое начало из космоса, что наши предки когда-то прибыли с каких-то других планет...

Нет такого слова – мракобесовских. Вы уж тогда напишите – мракобесы уверяют, или – множество ложных учений...

Что у вас было в школе по русскому языку?

...на территории Марса наблюдается неравномерное распределение захоронений древних цивилизаций.

Исправить. Грамотнее говорить – на территории Единой Марсианской Республики или ЕМР. Все-таки вы уже не в детском садике, а в университете.

Больше всего мракобесий связано с...

Исправить на:

Больше всего заблуждений связано с...

...происхождением самой жизни. Многие исследователи утверждают...

И у вас, коллега, язык поворачивается называть этих мракобесов исследователями?

...что жизнь зародилась не в результате естественных процессов эволюции, а под влиянием некоей божественной силы, божественного разума.

Вот об этих суевериях можно рассказать поподробнее, тем более, что они получают все большее распространение. Так уж и быть, порекомендую Вам список литературы, однако, надеюсь, что Вы добавите к нему что-нибудь еще:

ТОШИБА 435 Божественный разум. Семь веков творения. Миф или реальность.

Боги и люди: результаты раскопок на Плато.

Влияние поклонения Высшему Разуму на жизнедеятельность общества в отсталых районах.

Мы поклоняемся Высшему Разуму – широкое распространение сект по ту сторону...

Легенды и мифы древних народов Крайнего Севера.

Сказание о фабриках, или миф о божественном предназначении каждого существа.

Ждать ли второго пришествия богов? Свидетельство очевидцев о вознесении богов на небо.

Происхождение каменных идолов богов к западу от Олимпа

Потрудитесь выполнить к понедельнику, будет очень некрасиво, если вы придете на защиту диплома без самого диплома.

Что же касается Вашего вопроса, коллега, честно признаться, он поставил меня в тупик. Встречался ли я в своей жизни с чем-нибудь необъяснимым? Станный вопрос к ученому, объездившему половину земного шара. Встречался ли я с чем-то, что подтверждает сверхъестественное происхождение жизни? Еще более нелепый вопрос – какие могут быть подтверждения тому, чего не может быть.

Впрочем, так уж и быть, поведаю вам один случай, который несколько не подтверждает безграмотных теорий, но оставил в моей памяти неизгладимый след. случилось это пару веков назад, тогда я был совсем юным и неопытным, вот как вы сейчас, тоже на экзаменах пытался тайком присосаться к Инету, не имея собственных файлов и на уроках играл в Варкрафт вместо того, чтобы читать лектора.

Итак, в те времена судьба занесла меня в маленькое поселение к северу от столицы: ездить оттуда в Храм Науки было мучительно, зато можно было снимать комнату за очень скромную плату, что было важно для очень бедного студента. Со мной делил комнату андроид приятной внешности из тех, что до сих пор стоят в супермаркетах, зазывают покупателей и проводят разные шоу.

Мой сосед оказался весьма странным существом, то исчезал куда-то – на несколько дней – то появлялся снова, очень не любил, когда я целыми днями просиживал в комнате, готовясь к экзаменам.

Насколько я понимал, друзей у него не было, я никогда не видел, чтобы он с кем-то контактировал, тем более – чтобы подключался к большой компании. Даже в Сеть он выходил, пользуясь услугами старенького планшетника, а не самостоятельно.

Чем дальше, тем больше мне казалось, что мой сосед скрывается от властей – мои догадки подтвердились, когда я навел справки в администрации и не нашел там данных о моем сожителе. Я хотел даже обратиться в полицию, но меня сдерживало то, что мой сосед был тихим и смирным, казалось, не способным на какие-то злодеяния.

Как-то судьба свела нас вместе в столице – в поздний час, когда до городка уже не ходил ни один рейс, и мы решили добраться пешком. Путь предстоял недолгий, но небезопасный – через пустыню, усеянную расщелинами. Надо ли говорить, что путь не обошелся без происшествий, мой спутник оступился и повредил ногу. Каково же было мое удивление, когда он категорически отказался менять сустав, хотя у меня с собой было множество запчастей.

Он позволил мне дотащить его до городка. Здесь-то я и заметил первые странности, заставившие меня насторожиться. Внутри андроида несомненно был часовой механизм, отстукивающий время. Когда я спросил, до чего ведется отсчет времени, он только загадочно улыбнулся.

Дальше-то и начались всевозможные чудеса, о которых я по сей день вспоминаю с содроганием. Мой сосед категорически отказался от медицинской помощи, не позволил не только заменить деталь, но и осмотреть ногу. Целыми днями он лежал на диване, вставал очень редко, пользуясь различными приспособлениями, уверял, что повреждение должно затянуться само.

Впрочем, я и до этого предполагал, что мой сосед безумен. Чего стоили его утверждения, что он может править миром, и стоит ему пошевелить пальцем, как все в городе от мала до велика будут служить ему. Он причислял себя к некоей вымышленной расе господ, в противовес нам – простым бессмертным.

Я боялся его часового механизма, отсчитывающего время. Оказывается – это было еще не самое страшное.

Хорошо помню ту страшную ночь, когда я потерял сознание – отключился внезапно, будто мне перебили ток. Когда я очнулся, то увидел себя едущим через пустыню: в кузове я нес с собой цистерну с водой и горсть предметов растительного происхождения. Я принес все это в наше жилище, мой сосед сдержано поблагодарил меня.

Очень хорошо помню эту ночь – но наутро, когда я заговорил про ночные приключения, мой сосед сказал, что ничего не было.

Отключения у меня случались все чаще. Проще сказать – я сходил с ума, но это не так. Я не сомневался, что мое безумие как-то связано с моим соседом. Тем более – мне не давал покой часовой механизм в его груди. В столице уже случались теракты, власти просили сообщать о любом подозрительном случае.

Я уже хотел обратиться в полицию – когда внезапное происшествие положило конец моим сомнениям. И чуть не свело меня с ума окончательно.

В ту ночь я вернулся домой раньше обычного – ближе к рассвету. Помню, как вошел в комнату, обдумывая свой дипломный проект, и увидел моего соседа, неподвижно лежащего на диване. Я окликнул его – он не отозвался.

Помню, коллега, что мне тогда стало страшно – раньше я никогда не видел мертвых. Конечно, я проходил учения, как воскрешать обесточенных, но одно дело учиться, другое дело – воскрешать кого-то в пустом доме один на один с мертвым телом. Остальных обитателей нашей маленькой общаги как назло никого не было поблизости.

Я так волновался, что не сразу вспомнил, что нужно делать. Еле нашел в аптечке запасные батарейки, вскрыл грудную клетку андроида...

Не передать вам, коллега, что я увидел...

...и что я пережил в эту ночь. До сих пор – в минуты затишья слышится мне жуткий таймер, отсчитывающий секунды – тук-тук-тук-тук...

Помню, что бежал из этого проклятого дома – даже не взял свои вещи, даже не вернулся за ними, когда мне позвонили через пару дней и сообщили, что в доме все спокойно...

Помню, как бежал – сломя голову, через пустыню, залитый непонятной субстанцией, вытекшей из...

Потому что когда я вскрыл эту тварь, в моих руках вместо батареек оказалось нечто, напомина...

2013 г.

Побег из города

Даже не пытайтесь выбраться из города через оживленные трассы, через пропускные пункты и прочие места, которые тщательно охраняют: там у вас точно ничего не получится.

Чтобы выбраться из города, ищите какие-нибудь неприметные места. Например, можете свернуть в лес, или в поле, или еще куда-нибудь. Откажитесь от своих привычных маршрутов, измените путь – такой маневр многим помог выбраться из города.

Постарайтесь как можно быстрее отойти от города как можно дальше. Помните – если вас поймают в пригородной зоне, церемониться с вами не будут. Нарушителей убивают на месте.

Разумеется, никому не говорите, куда вы собираетесь идти. Никому – это означает, не говорите даже самым близким и родным. Не пытайтесь никого забрать с собой – двоим выбраться намного сложнее.

Когда вы покинете город, не пугайтесь, что вокруг вас на много километров расстился лес – продолжайте идти, неважно, в каком направлении, лишь бы от города.

Невозможно точно сказать, через какое время вы увидите другой мир. Иногда он появляется почти сразу же, некоторым приходилось идти несколько дней. В любом случае помните – обратной дороги нет.

Когда вы дойдёте до нового мира, вы сразу это почувствуете. Нельзя сказать, что именно заставит вас насторожиться – но вы сразу поймете: это другой мир. Вас может удивить внешний вид машин, качество дорожного покрытия, одежда людей, может быть – просто какая-то неуловимая атмосфера.

Дойдя до населенного пункта, первым делом зайдите в магазин одежды и переоденьтесь. Помните, что ваша собственная одежда может вас выдать, какой бы хорошей она ни была. Не забывайте, что в магазинах все бесплатно. Многие беглецы выдавали себя именно в этот момент – когда просто психологически не могли вынести что-то из магазина.

Далее зайдите в администрацию и скажите, что вы приезжий, и что вам нужна квартира. Квартиру вам дадут без проблем. В принципе не стесняйтесь попросить и автомобиль тоже.

В первые дни постарайтесь как можно больше выходить на улицу, общаться с людьми: при этом сами преимущественно молчите и слушайте. Помните, один неосторожный вопрос выдаст в вас беглеца из Города.

Если вы увидите объявления – помощь беглецам, не верьте, ни в коем случае не заходите под такие таблички. Их развешивают специально, чтобы выявить сбежавших из Города.

В принципе нравы в этом мире не столь разительно отличаются от нашего. Нормальному человеку достаточно двух-трех недель, чтобы адаптироваться полностью.

Если вы задумываетесь о том, что вам будет скучно в реальном мире, где не нужно ходить на работу, и вещи материализуются из ниоткуда, спросите себя – а нужно ли вам вообще сбегать в этот мир? Были случаи, когда человек не находил себя в реальном мире, и возвращался в город. Хотя, в принципе, в большом мире есть чем себя занять, и чему научиться.

Посматривайте «Город» на экране. Время от времени, но без особого фанатизма. Помните, окружающих может насторожить как повышенный интерес к шоу, так и подчеркнутое равнодушие к нему.

Предлагайте свои идеи, как разнообразить жизнь «Города». Здесь опять же избегайте крайностей, не надо предлагать снижение цен и уменьшение пенсионного возраста, но и с предложениями о новой войне так же будьте осторожны.

Помните – многие выдавали себя, когда видели на экране своих близких. Старайтесь не проявлять эмоций.

Ну и, конечно же, ни в коем случае не поднимайте вопросов о том, чтобы закрыть шоу. Помните – в реальном мире такие вопросы даже не могут никому прийти в голову. Жителей Города здесь не рассматривают как людей, они для большого мира – просто игрушки. Многие допустили промашку именно в разговоре о том, что шоу нужно закрыть.

2013 г.

Обратная сторона истории

Посмотрите назад.

Вон история сзади стелется.

Далеко стелется, к самому сотворению мира, когда кто-то большой и мудрый хотел сделать землю и небо, а что-то не заладилось, и вышел Большой взрыв.

У истории две стороны. Все геометры в один голос говорят – не может быть у геометрической фигуры две стороны.

А вот может. История геометров не спрашивает.

Посмотрите. Тянется история, водят к истории мариванны толпы детей, Ингашев, я те щас голову оторву, куд-да побежал, Пичужкина, ты не в зеркало, ты на историю смотри...

И вы посмотрите. Вот две стороны у истории, темная и светлая. На светлой стороне Прометей крадет у богов огонь, тощий ремесленник у костра выпиливает колесо, алхимик в свете свечного огарка ищет философский камень, Яблочков мастерит лампочку, отважный летун поднимается в небо, падает, разбивается на городской площади...

Это светлая сторона.

А вот темная сторона. Это там, где горит Александрийская библиотека, где римляне убивают Архимеда, где варвары рушат Рим, где Галилей отрекается от самого себя – а все-таки она вертится, где Прага пылает, объятая пламенем, союзники ошиблись, приняли Прагу за немецкий город...

Две стороны.

Ну, это в прошлом так было, темная сторона и светлая, сейчас-то уже не то, сейчас уже перепутались стороны, не поймешь, где какая, и говорит кто-то в Белом Доме – Россия находится на неправильной стороне истории...

Говорят, где-то третья сторона истории есть. Не та, не другая – третья.

На ней, говорят, все хорошо. Ну, говорят, потому что не видели её никогда.

Мариванна собирает детей, Пичугина, чего ты вертишься, как жареная, все здесь, Игнашев где, Игнашев... Игна-а-ше-е-е-в!

А нету Игнашева.

Сбежал.

На ту сторону.

Которая не та и не эта, а третья.

Говорят же геометры, не может быть фигуры с двумя сторонами.

2014 г.

Хвост медведицы

Идет медведица, помахивает длинным хвостом.

– А э-та чи-во?

Данюська, маленький, тычет пальчиком в небо. Любим мы это дело, тыкать пальцем в небо, ох, любим.

– А большая медведица ходит, – кивает старый Айвас.

– Мидедица?

– Ага. По небу ходит. Вишь, шесть звездочек, из них медведица.

– А ту-та семь, – Данюська маленький тычет пальчиком в книжку, которую папа купил.

Папа редко приезжает, а тут вот приехал и книжку купил.

– Э-э-э, это когда было, семь, сейчас уже шесть... это как было-то... давно это было... много лет прошло, много воды утекло, ох, много... Люди тогда смелые были, дерзкие, хотели вровень с богами стать... и поднялись на небо, и сказали – будем, как боги. И стали они звезды с неба хватать.

– С не-ба?

– Вот-вот, с самого неба. Вот выискался воин один, Клим, поднялся в высокое-высокое небо, видит – медведица по небу идет, звезды нюхает. У-ух, огромная медведица...

– Больше ми-ня?

– Уж куда больше-то!

– Боль-ше до-ма?

– Больше, внучек, больше.

– Боль-ше зем-ли?

– Да больше солнца. Она ж большая, медведица-то. И смотрит он на медведицу, а на хвосте у неё звезда горит, яркая-яркая. Вот и говорит Клим: медведица-медведица, отдай мне звезду! А медведица и отвечает: не отдам я тебе звезду. Рассердился Клим, и напал на медведицу, и бились они три дня и три ночи. Ох, долго бились, гром и звон по небу стоял, ох, гром и звон... И отнял Клим звезду у медведицы...

– О-нял?

– Отнял... ага. И людям принес, на землю. Холод великий в те времена был на земле, и было днем темно, как ночью, ой, темно было. И пришел Клим, и сказал: люди, принес я вам свет звезды, живите, люди, радуйтесь, люди, не век вам зиму зимовать... И празднество было великое по всей земле...

– А ме-де-ди-ца?

– А говорят до сих пор ходит-бродит по небу, ищет звезду.

– А сю-да не при-дет?

– Что ты, малый... не придет. Далеко она, века и века идти будет...

– А Ким че-во?

– А чево... помер, поди, сколько веков прошло... Хотя люди говорят, вроде как медведица к миру людей подбирается, как придет – конец света будет...

Осторожно вставляю:

– Брешут.

– Точно, брешут... уж сколько конец света обещали... когда этого там выбрали... этого... тоже конец света обещали... и ничего... и это когда грохнуло... тоже конец света обещали... и ничего...

Иду к себе. Данюська бежит за мной, еще бы, папа приехал. А когда папа приезжает, это всегда праздник, папа не наорет, что в каше измазался, и что чашку разбил...

- Па!
- Да не кричи ты так... чего тебе?
- Па, а ты на небе был?
- Ну чего ты говоришь такое, как папа на небе будет, папа тебе чего, птичка, что ли?
- А ты не Клим?
- Ну что ты, какой я Клим...

Дыхание. Горячее, влажное. Оттуда, с той стороны окна, с той стороны ночи.

Прислушиваюсь к тишине. Хочу сказать себе, что показалось, уже знаю – не показало...

Огромное мохнатое чудище подбирается к дому – из темноты, из ниоткуда, откуда-то с той стороны жизни и смерти. Жадно нюхает воздух, спешит к дому на тяжелых мохнатых лапах. Подбирается ко мне. Знаю – не к Айвасу старому, не к Людке, не к Данюське, Данюська-то вообще ни в чем не виноват – ко мне.

Сжимаю ружьишко, Айвас старый сказал, от медведей помогает.

Уже точно знаю – не поможет.

Вспоминаю какие-то молитвы. Тоже знаю – не помогут.

Кто-то останавливается – большой, мохнатый, – заслоняет собой полную луну, жадно нюхает воздух, прижимается мордой к стеклу окна.

Сжимаю зубы.

Почему-то знаю, что стекло не разобьется, и все-таки...

Как маленький зарываюсь в одеяло, почему-то верится, если спрятаться – не достанет, не найдёт, не утащит...

*Ночью синей, ночью поздней
Тихо встану у порога,
В час, когда в созвездьях ярких
Небо светится...*

- Па, а ты на небе был?
- Ну чего ты говоришь такое, как папа на небе будет, папа тебе чего, птичка, что ли?

– Ну что, Климушка... заданьце есть... партийное.

– Сделаем.

– Ишь, шустрый какой, ты сначала спроси, что за заданьце, а потом – сделаем!

– Всё равно сделаем.

– Тоже верно... Ну что... энергетический кризис у нас. Вишь, солнце-то погасло...

Падает сердце. Сейчас начнется, энергетический кризис, зарплату платить нечем, вы уж не обессудьте, еще месяцок без денег подождите, Господь терпел, и нам велел...

Киваю. Давай дальше.

– Ну, вот... надобно бы огоньку добавить...

Понимающе протягиваю зажигалку.

– Да не-е-ет... огоньку... на электростанции...

Фыркаю.

– Говорят, кошек надо чесать, из них искры летят, вот и энергия будет.

– Отличная мысль. Флаг вам в руки, перо в задницу, идите кошек ловить. Как наловите, скажете...

Смеемся.

– Еще, говорят, к коту бутерброд привязать надо маслом вверх, кот на лапы падает, а бутерик на масло, вот и будет вертеться...

– Ладно, посмеялись, хорош уже... Ну что, звездочку с неба достанете?

Пытаюсь отшутиться:

– А почему не луну?

– Что с неё, с луны возьмёшь, ни тепла, ни света... а вот звездочку с неба, это да... ну что, сдюжим?

– Какую звездочку хоть?

– Да... какая вам приглянется. Портал до звездочки обеспечим, не бойсь...

Чья здесь вина, может, пойму, ты мне ответь...

– А ты не Клим?

– Ну что ты, какой я Клим...

– Вижу объект.

Говорю не столько начальству где-то там, там, сколько самому себе. Чтобы было не страшно. А страшно будет, не сомневайтесь даже. Люди с ума сходят, когда остаются наедине со вселенной. Наедине с собой...

Идет по небу медведица, большая, страшная, мохнатая, нюхает зазевавшиеся звезды, помахивает длинным хвостом. Больше меня, больше дома моего, больше самой земли и погасшего солнца.

Идет-бредет большая медведица, то ли ищет малую, то ли вынюхивает, где ухватить рыбу. Рыбы тоже в небе водятся. Южные рыбы и такие.

Всякие.

Спешу к медведице. Матерая зверюга принюхивается, прислушивается, чует недоброе.

– Нацелен на объект...

Сначала хочу схватить глаз медведицы – тут же понимаю, черта с два я схвачу глаз, глаз, он вон какой, и морда медвежья вон какая, а хватать надо что поближе.

Хвост.

Ну да, хвост. Самый кончик длинного медвежьего хвоста, а хвост у медведицы называется Бенетнаш. Бенет-наш. Будет наш. Только поймать надо...

Навожу цель.

Спускаю ловушку, огромная сеть захватывает звезду.

Жду.

Захватывает, заглатывает звезду огромный портал, ведет Бенетнаш к земле, туда, где было когда-то погасшее солнце.

Оборачивается большая медведица – а хвоста нет.

*Что поделать, я, конечно,
Рассуждаю по-земному
И за это ты, Медведица, меня прости....*

Что-то темное, мохнатое прячется у порога. Подкарауливает меня. Забиваюсь под одеяло, как маленький, может, не увидит, может, обойдется...

Мохнатое скребется в дверь, грызет стальные засовы, ломится, отдай, отдай мой хвост...

Идет по небу медведица, ищет свой хвост...

– Ну что... какие у нас еще звезды есть?

Шеф спрашивает. Как триста лет назад. Уже другой шеф. А спрашивает всё то же.

Давненько я не ловил звезды, да их и не осталось уже, переловили все, вселенная-то не бочка бездонная.

– Сколько ни есть, все наши.

– Шуточки шутим... ну-ну... не-е, это хорошо, когда человек шуточки шутит, хуже, когда заплачет...

Смотрю на беззвездное небо, такое непривычное, такое жуткое...

– Ну, вот... Большая медведица еще осталась...

– Это которой вы хвост оторвали?

– Ну.

– И где она? Говорят, координаты куда-то чего-то поменялись?

– Есть такое. К земле приближается.

– Так и океюшки, как приблизится, тут-то мы её и сцапаем... сколько там звезд еще...

Аилот, Мицар, Фекда...

Почему-то хочется сказать – или она нас. Не говорю.

Вагон трясется на север, машинист по громкой связи объявляет станции.

– Этот-то говорят, живой еще? Который у медведицы хвост оторвал?

– Какое живой, триста лет прошло, не живут столько.

– Да чего не живут, он вроде как в те времена жил, когда бессмертие это было, как его там...

Знаю, что здесь меня никто не узнает.

Зачем-то прикрываю лицо.

*Ты созвездие, конечно,
И живёшь своею жизнью
Той, что люди до конца ещё не поняли...*

Спешу домой. И вроде бы знаю, что ничего страшного не случится – а всё равно спешу, знаю, она будет искать меня после захода солнца.

Буквально врываюсь в лифт, кто-то шипит за спиной, блин, домой опаздываешь, что ли...

Опаздываю.

Домой.

Захлопываю дверь, перевожу дух, может, хотя бы сегодня обойдется...

Что-то массивное, мохнатое скребет дверь...

Померещилось.

Нет, не померещилось. Скребет, царапает, бьется в дверь массивным телом.

На всякий случай заряжаю двустволку от медведей.

Может, поможет...

– Ну что... справитесь?

Смотрю на громадину медведицы высоко в небе. Я был неправ, от такой двустволка не поможет, от такой я вообще не знаю, что поможет...

– Куда я денусь...

– Ну, давайте... – мягкий говорок шефа успокаивает – действуйте.

Действую. Как учили. Теперь уже целюсь не в хвост, – в переднюю лапу, может, работает...

Выпускаю сеть.

Вижу, как звезды стремительно движутся – хоть убейте, не может звезда так двигаться, а вот нате же вам. Мощный удар лапы разрывает сеть, медведица спешит к земле...

– Чего у вас там? – голос шефа срывается на фальцет.

– У кого у нас?

– У вас... с медведицей вашей?

– Да не моя она!

– Ага, не ваша, а чего творится вообще?

Связь обрывается. Резко. Безжалостно. Гаснут огни, гаснет тепло, гаснет свет, кто-то как будто вытягивает энергию от земли, больше, больше...

Мертвый холод подступает отовсюду.

Что-то происходит, что-то страшное, что-то за пределами моего понимания, золотое сияние вспыхивает в небе, пустое место на хвосте медведицы ощеривается пламенем, загорается новая звезда.

Медведица взмахивает хвостом.

Зарываюсь в плед, еще пытаюсь сохранить остатки тепла, медведица уходит по небу, нюхает звезды.

Чья здесь вина, может, пойму, ты мне ответ...

2014 г.

Где была, Алина?

– Ты где гуляла-то?

Алина опускает глаза, отец хмурится. Виновата, виновата, ничего не скажешь, на часах третий час, ночь на дворе, нате вам, Алина явилась. Отец уходит к себе, какой-то постаревший, уставший, весь уходит в свой комп, старенький, допотопный, его еще при Наполеоне, чего доброго, делали...

Алине совестно, идет к отцу, обвивает тонкими ручонками, отец все еще хмурится, но уже так, для вида, наконец, гладит Алину по блеклым волосам.

– Где была-то?

Алина неопределенно машет рукой, мол, всего не перескажешь. И верно, не перескажешь, вроде бы всего-то хотела до соседнего маркета дойти, там распродажа, сумочки такие висят... И как всегда, занесло Алину черт знает куда, сначала над городом полетала, а как не полетать, потом увидела – не то цапли, не то еще какие-то пернатые к югу летят, с ними полетела, до какой-то там Африки, мегаполис какой-то нашла на берегу океана, пляжи, опять же – маркеты, сумочки... люди ходят, говорят не по-нашему, будто давятся словами...

Потом туда-сюда, домой возвращаться неохота, поднялась Алина над землей. Здорово так, можно себя супергероем почувствовать, хоть сейчас в Голливуд. Выше, выше, за облака, за полярные сияния, где небо все темнее, и звезды все ярче...

А где звезды, там и другие миры, и обидно так, миров много, а не летаешь. А как летать, вот так упорхнешь куда-нибудь к Ригелю или Капелле, потом еще куда, еще куда, оглянешься – а где Земля, а где Солнце, а-у-уу, а потеряла... а нету.

Было уже такое, разок было, заплутала в космосе, ух и напугалась тогда Алина, ох и плакала. Хорошо, услышали... Ну, не услышали, почувствовали ее страх... блестящие какие-то, бесформенные, серебристые с синевой... с погасшей звезды поднялись, окружили Алину, та только и твердит – Земля, Земля, показали ей, где эта земля несчастная, Землю оттуда и не видно было... и Солнце...

Вот теперь повадилась Алина к ним в гости летать. А что, они ей рады. Они всем рады. Добрые. У них раньше великая цивилизация была, потом погибла, они последние выжившие...

Так что много где Алина была, правильно отец сердится, волнуется. А что волноваться, что с Алиной может страшного случиться...

Уже ничего.

Помнит Алина свой первый полет...

Когда она еще не умела летать...

– Завтракать будешь?

Это мама так, просто спрашивает, знает же, не будет Алина завтракать. У Алины другие дела на утро, давненько хотела Алина забраться в какую-нибудь пирамиду... посмотреть... как там Хеопсы всякие...

– Алечка, ты хоть дома с нами побудь...

Мама просит. Если мама просит, что бы не побыть, а с другой стороны, эти взрослые сами хороши, как будни, так они на работу на свою, а Алине скучно... вот пусть теперь поскучают...

– Мы тебе плеер купим – не унимается мама.

Ладно, за плеер Алина так и быть, согласна, головой кивает, только чтобы непременно был розовенький. А то и так вон сколько терпеть, ждать этих скучных взрослых, пока позав-

тракают, пока по радио погоду свою наслушаются, пока по телевизору свои новости насмотрятся, ой, да-да-да, Алечка, едем, я только кота покормлю, это кот треснет скоро, не хрен его кормить...

Приехали в маркет. Мама с папой в пазике за себя заплатили, Алина невидимой стала, бесплатно проехала. Какой там плеер, что плеер, глаза разбегаются, вон сумочки какие, а джинсики, а кроссовочки, а курточку такую Алина на одной супергероине видела, тоже такую хочет...

А скучные взрослые по отделам расползлись, мама уже какие-то там шторочки себе выбирает, скукотища смертная, папа удочки смотрит, на хрена самую дорогую берешь, один хрен опять поломаешь...

Скучно Алине. Обиделась Алина, снова поднялась над городом, высоко-высоко, полетела – на запад, на запад, над Москвой, над лесами, над городами, уже знает, вон там красавица Прага, вон Берлин, вон Париж огоньками светится, там не рассвело еще.

Летит Алина над океаном, и хоть знает, что не упадет, а боязно так... вот уже и огни вдалеке, и высотки, подпирающие небо. Здесь Алине нравится, на авеню, вот здесь бутики так бутики, круче только в Париже. И по Сентраль-парку прикольно по ночам ходить, там нарики всякие, грабители, а Алине не страшно.

А что страшного с Алиной случиться может?

Уже ничего.

Весело Алине, настроение какое-то... озорное. Вот и полетела потихонечку Алина к югу, к югу, куда простым смертным дорога заказана. Там как в сказке, стоит на краю света страшный дом о пяти углах, и в нем страшные дядьки всякие страшные вещи замышляют.

А Алине не страшно, что ей охрана, что ей пятая-десятая степень защиты, Алина сквозь стены ходит. Вот и вошла, ходит, смотрит, большие дядьки у экранов сидят, над картами, над схемами, ничего не понятно.

А у дома о пяти углах внутренний дворик, вышла во дворик Алина – глаза разбегаются, ух ты, конфеты продают, коробищи какие, а рядом ювелирный магазин, он-то здесь зачем...

Тут-то и засекли Алину.

Нет, не люди, конечно, где им, людям-то... датчики какие-то на тонкие волны настроены, вот они и всполошились, завизжали, засигналили... Подскочили большие дядьки, носятся, кричат, ничего понять не могут. Взмыла Алина в небо, в облака, смотрит на землю. Теперь, главное, не ошибиться, вот Камчатка, вон леса дремучие, вон Урал полосочкой светлеет, тут чуть пониже надо спуститься, Волга, а там и Самару видно.

Отец с матерью и не заметили, что Алины не было, вот что обидно-то. вот тебе и Алечка, хоть с нами побудь... Ну все, хватит уже, все шторочки-удочки пересмотрели, пора уже удочки сматывать, за плеером идти, а там еще курточка...

Непонятно Алине, почему не видно других таких же, как она. Есть же они где-то... Ну, если не видно, значит, так надо...

Знать бы еще, кому...

Динь-доннн...

Звонят. Мама открывает, девчонки пришли, вон они, Виктуся, Маха, Ириска, принесли там чего-то вкусного...

– Здравствуйте. Мы к Алине.

– К Алиночке... проходите, проходите...

Мама ставит чайник, девчонки рассаживаются, режут торт, Алина смотрит из темноты своей комнаты в щелочку двери, как мама разливает чай, как кот прыгает на колени кому-то, идет по всем девчонкам подряд, ну куда, куд-да ты хвостище свой в торт сунул...

Девчонки сидят перед портретом Алины, пьют чай, переговариваются вполголоса, будто бояться спугнуть кого-то.

– А Махи что-то давненько не было, – папа улыбается, видно, что ему невесело.

– А Маха теперь важная птица, как фирму свою состряпала, так ее вообще не видно, не слышно... Я перезвоню, я перезвоню...

– Да ладно тебе, Ириш, устаканится все, тогда...

– Ты это третий год говоришь, устаканится... парфюмерша ты наша... из самого Парижу...

– Лучше бы зашли как-нибудь, а то у вас, смотрю, не духи, а так...

– А сорванцов моих с кем оставить? – Ириска хмурится.

– А с собой приводи.

– Они тебе весь магазин разнесут, чертенята мои... Лешке все говорю, хоть бы приструнил, да какое... они с ним еще пуще бесятся.

Алина слушает, Алина смотрит, на свой портрет, на девчонок, ловит терпкий душок горячей свечи, аромат чая, чего-то вишневого, ах да, торт, молодцы, девки, серединку с вишенкой Алине оставили под портрет, Алина есть, конечно, не будет, все равно приятно...

– ...да какое там, я уже не знаю, когда эту диссертацию кончу, декан этот долбаный полставки выделил...

– Ой, держись, Виктуська, мы в тебя верим, когда Нобелевку получать поедешь, нас позовешь...

– Вместе пропьем...

Девчонки смеются. Сколько им уже лет... тридцать... Алине кажется, это так много... Что-то быстро Алину забывают, раньше всем классом приходили, теперь так... то одного черт занесет, то двух...

Сюда Алина приходит нечасто, да что вообще сюда приходиться, на кладбище, и не на само кладбище, а вот сюда, за воротами. Да и непонятно, что на нем делать, на этом кладбище, ну посидела на скамеечке, ну положила цветочки, а дальше что... думать надо о чем-то таком, а ни о чем таком не думается.

Дождь моросит. Даже не моросит, висит в тумане сырть какая-то. И березы облетают, дрожат, как они только не сломаются, вон какие вороницы по веткам сидят, корр-корр-корр... И перья, перья лежат, длинные, черные... Алина их раньше собирать любила, а папа говорил, брось дрянь всякую, а теперь собирай – не хочу, а уже не хочется.

Интересно Алине хоть разок заглянуть туда, под холмик, посмотреть, что там, в темноте, под крестом. И боязно – и интересно, что там теперь, через двадцать лет...

И хочется – и не смотрит Алина, а то вдруг там останется...

На этот раз и не спрашивает папа, где Алина была, и так видит. И мама ничего не говорит, и тихонько пробирается Алина к себе, в комнату, Барби лежат, журналы разбросаны, вот и плеер новенький, плакаты по стенам, Стар Фрай, давно уже снять пора, давно уже Алина по Стару Фраю не сохнет, отсохлась, пару раз летала к нему, сквозь стены просачивалась, тьфу на него, и бабник он, и алкаш, и все остальное... и статейка эта, на хрена глаза мозолит, от времени уже вся пожелтела...

...из окна на двадцать втором этаже...

...по предварительным данным причиной...

...фанатка известного рок-певца Стара...

...ведется следствие...

ДОБАВИТЬ СВОЙ КОММЕНТАРИЙ

...туда ей и дорога, общество себя от таких дур очища...

...родителей жалко, про них она вообще подумала...
...такая даже родителям не нужна...
...учитель со стажем, сорок лет проработала в советской школе, заявляю – в наши времена такой дури не было...
...ага, и все строем ходили, и за невымытые уши домой разворачивали...

Тыфу на вас на всех.

Алина прыгает из окна – взмахивает руками, летит. Выше, выше, над городом, достали все, достали, вон, Виктуся чешет по улице, папки какие-то под мышкой, вон Ириска чертеныт своих в кино повела, они уже и с пушками идут, очередного супергероя от суперзлодеев защищать... В Париж, что ли, слетать, Маха вроде там должна быть, какой-нибудь мусье ее по ресторанам водит...

Выше, выше...

Города, города, города, люди, люди, люди, Олежка, вроде, в Израиль махнул, у Саньки какой-то автосалон, Димушка вообще в Мюнхен перекаптовался, дизайнер он там или хрен пойми кто...

Выше...

Шумят океаны...

Или в дом о пяти углах наведаться, попугать дядек, они там допоздна сидят... Нет, не надо, так они вообще домой не уйдут, всю ночь торчать будут, а у них дома жены ждут, дети, дорогой, ты мне обещал сегодня... не позже одиннадцати... Да не нужны мне твои долбаные конфеты, и это убери тоже, у меня этими брошками все трюмо завалено... мне ты нужен...

Люди по городам спешат куда-то, взрослые люди делают свои взрослые дела.

Люди живут. Дышащие, теплые – люди живут, делают что-то, меняют мир. Возвращаются домой, к семьям...

Алина опускается на краешек лунного кратера, смотрит на Землю – большую, живую, далекую, коротко всхлипывает – и не сдержать боль, льется через край, больше, больше. Этот появляется откуда-то, да они тут повсюду по космосу, серебристый, бесформенный, с синевой, обнимает, утешает, да что такое, да кто обидел, ты только скажи, мы его – у-у-х-х...

2012 г.

Злой-злой

– Гам! Гам! Гам-Гам-Гам-Гам!

– Злой! Злой! Злой-злой-злой-злой!

Кричу, что он злой. Меня никто не понимает. Не слышит. Они никогда меня не понимают. Они. Все. Видно же, как белый день видно, что злой он, злой, злой, злой...

Нет, не видят, встречают его с почестями, и привезли его на машине, и в дом занесли с почетным эскортом, и кучу бумажек к нему. Вот это дохлый номер, если много бумажек, это значит, птица важная...

– Злой! Злой!

Нет, не понимают они, что он злой, отвели ему отдельную комнату, где это видано, чтобы какому-то там – отдельную комнату. Рядом с Димкиной спальней. Это вообще хана, если с Димкиной спальней рядом, вы как хотите, я ему Димку не дам...

– Злой! Р-р-рвать его! Р-рвать!

Нет. Не понимают. Бросают мне печеньки, на-на-на, да на фиг мне не нужны ваши печеньки, ничего мне на фиг не надо, вы сами смотрите, кого в дом-то притащили...

– Злой, злой...

А что он мне сделал...

А ничего. То есть, ничего еще не сделал, пахнет от него как-то так, да тут от всех как-то так пахнет... только чувствую – злой.

А никто не верит.

Самое страшное, Димка не верит. Вот это надо сразу бы ему намекнуть, новенькому, если он чего Димке сделает, ему не жить...

Новенький...

Скулит и плачет, пик-пик-пик, ну ясное дело, маленький еще. Пищит, мигает лампочками, Димка вокруг него суется, вот как вокруг меня суется тогда...

– Лезь... лезь в ванну... лезь давай...

Я не понимаю, зачем надо лезть в ванну. Так хочет Димка. Я еще не знаю, что он Димка. Я еще ничего про него не знаю.

Я здесь первый день. Первые часы. Там, где все блестит и сверкает. Там, где тепло. Вот это я хорошо помню – тепло. И мясо. Много мяса. Полкан от зависти сдохнет, когда узнает, и все, все они, которые отгоняли, которые рычали на помойке, пр-р-рочь, уходи пр-р-рочь, не дам-дам-дам!

Я не знаю, зачем лезть в ванну. Но Димка так хочет. Димка поливает меня водой, теплой, почти горячей, выстригает шерсть, мажет чем-то пахучим, мерзким... я отряхиваюсь, отфыркиваюсь, хлопья грязи и пены летят на занавески...

– Эт-то что... явление Христа народу?

Голос. Большой голос. Громкий голос. Страшный голос. Вот он заходит, пахнущий чем-то едким, душистым, строгим...

– Это что, а? а чего сразу корову в дом не притащил?

– Не было...

– А-а-а, не было... а то так бы и притащил... стадо целое... ходили бы тут, тренькали... на лугу пасется ко... гони его на хрен...

– Ну па-а-а!

– Чего ну па-а-а, а завтра корову притащишь, а? Давеча проходной двор устроил, цыганят этих приволок... Ложки серебряные с тебя спишем, понял, все, хрен ты у меня айфон получишь, понял, да?

– Ну па-а-а!

– Чего па-а, у тебя па-аа деньги печатает, что ли? Печатает? Печатный станок в подвале стоит, да? Хрен тебе, а не айфон, вон... с этим походишь... нокиа коннектед пипл...

– Да не-е-е... Тявку...

– Какую тяпку? Вон, у садовника спроси...

– Не-е-е... – показывает на меня, – пусть Тявка будет...

– Никаких тяпок, еще тяпок мне не хватало! Мне на работе этих тяпок вот так хватает, ты еще... Кон-чай реветь, парню тринадцать лет, нюни распустил...

Что-то происходит. Чувствую, что все кончится, и тепло, и мясо, и Полкан мне люлей надает, и вообще...

Прыгаю на большого с громким голосом, уйди от моего Димки, я тебе его не дам! Не дам! Не дам!

– Это чего у вас тут?

Еще один голос. Голос, пахнувший цветами. И сама она вся пахнет цветами, это мне сразу в нос шибануло...

– Ути, это кто у нас тако-ой, а? Ути батюшки, это где вы такое чудо достали?

– Чудо... в перьях... мне это чудо ванну всю разнесет, вон, гляди, чего творит... Духу чтобы его здесь не было, ты меня понял?

– Ну па-а-а!

– Антоша, а ты чего так? Мы с тобой что, в коммуналке живем, что ли? Блин, такие хоромы, такому холёсённому место не найдем, а? Ути батюшки, это мы откуда такие взялись, а...

Целует меня в нос. Это я хорошо помню, целует меня в нос, бьет аромат цветов...

А теперь этот.

Который пищит.

Который злой-злой-злой...

Осторожно просовываюсь в комнату, осторожно зову:

– Дим! Дим!

Димка не слышит, сидит перед этим, который пищит. Димка отмахивается от меня, мол, иди отсюда, не до тебя уже.

Не ухожу. Не понимаю, как такое может быть, чтобы было не до меня.

– Дим!

Димка бросает в меня ботинком. Замолкаю. А то так и вылететь недолго, уж тогда Полкан мне покажет, и так на меня сегодня как на английского лорда смотрел...

Димка сидит перед этим. Димке страшно, это я вижу, страшно, кто-то нападает на него, кто-то... странно, что я никого не вижу, его нельзя увидеть, его нельзя учуять, но кто-то здесь есть, я чувствую. И этот кто-то хватает Димку, кто-то бросает его на пол, Димка отбивается от кого-то, пытается сдернуть с горла невидимые руки...

– Дим! Дим!

Начинаю понимать. Наконец, чувствую, кто он – вон он, тот самый, который пищит, который опутал проводками Димкину голову...

– Дим!

Димка пинает кого-то что есть силы, что-то шепчет беззвучно...

– Дим! Дим!

Бросаюсь на него, злого, рву проводки, злой больно жалит меня, вот уж злой-злой-злой... Р-рвать... Рр – р-р-рвать!

– Дим!

Лижу лицо, ну давай же, давай, просыпайся, я спас тебя, я прогнал его, прогнал...

Димка с трудом разлепляет глаза, смотрит на меня, не сразу понимает, кто я, где я...
– Ах ты...

Бьет проводами, больно, сильно, Дим, ты чего, это же я, я, что ты...

Исчезаю в лабиринтах дома, где-то там, там, там...

– Дим! Дим!

Зову Димку. Осторожно. Уже чувствую – не ответит. Димка давно уже не отвечает, прибегает из школы, закрывает дверь, остается наедине с этим, который пищит, который злой-злой-злой...

Нет, сегодня, вроде, дверь приоткрыта, может, пустит. Осторожно просачиваюсь в комнату.

– Дим!

Димка не отвечает. Димка с этим. Который тот. Димка, опутанный проводами, снова сливается с кем-то в поединке...

Нет.

Что-то не так...

Еще не понимаю, только чувствую – не так. Мелькание рук и ног, но нет напряжения, нет борьбы, нет страха, что-то другое... Страх, но какой-то не такой страх, что-то...

Димка обнимает кого-то невидимого, широко раскрывает рот, высовывает язык, облизывает кого-то, кого я не вижу. начинаю понимать, было у меня что-то такое, там, еще там, там, на улице, прошлой весной, там была Мими, она лизала меня в нос, Мими, от нее так дивно пахло, здесь не пахнет, здесь... Здесь тоже было, только не со мной, когда этот, с громким голосом, и эта, пахнувшая цветами, когда Димки не было дома, когда...

– Дим!

Димка не слышит, обнимает кого-то, сжимает что-то там, в брюках, там, там, там. Выгибается на ковре, тут же снова падает в изнеможении, дышит часто и глубоко.

Срывает провода.

– Дим! Дим!

Димка рассеянно гладит меня, показывает что-то на экране того, который плачет, что-то розовое, с волнистыми волосами, с глазами в пол-лица...

– Классная, правда?

– Да! Да!

Он треплет меня по макушке, но как-то растеряно...

– Злой! Злой!

Неужели сами не видят, что злой, злой, злой, вот этот, пахнувший, в черном кожаном, с пряжками и ремнями. Нет, в упор не видят, пускают в дом, почтительно подают лапы, входите, входите...

– Злой! Злой!

– Чего-то он у вас расшумелся...

– Да не бойтесь, не бойтесь, не укусит... это он так...

Что значит, так... впиваюсь в ногу в черной штанине, кто-то оттаскивает меня, кто-то хлещет, фу, фу... сами вы фу...

– Р-р-рвать!

Закрывают двери, ложусь под дверями, неужели не понимают... что он мне сделал этот... да ничего не сделал, только чувствую, злой, бывает такое, у меня-то на это дело чутье верное...

– Ну что... тридцать штучек все удовольствие, – говорит злой.

– Нехило берете, – басить большой голос.

– Дешево да гнило, дорого да мило... в два счета из мальчика вашего человека сделаем.
– А сейчас он кто, по-вашему? Шучу, шучу, сам вижу, скатился парниша... раньше еще думал, во хорошо, по девкам не ходит, не бухает, день-деньской дома... счас вижу, вот это и плохо... раньше-то как... вон, у Егорыча парень, ну загуляет, ну дома не заночует, у друзей там сидит... ну нормальный пацан... а этот...

– Да, неутешительная тенденция...

– А вы чего делать будете?

– Занимаемся выработкой рефлексов...

– А-а-а, это он к компу пойдет, его бац током... нехило... у меня тестя так от зеленого змия отучали... только чтобы тестя отучить, его убить проще...

Не совсем так... как только мальчик ваш заходит играть, солдатики мои раз – и солдата его хлопнут.

– Во это по-нашему... хлопните его там на хрен, да побольнее...

– Будет сделано.

– Сделаете, еще дадим... штук десять...

Он выходит, бросаюсь на него, злой-злой-злой, кто-то отпинавает меня, фу, фу, да сами вы фу...

– Дим!

Взбегаю по лестнице, толкаю дверь лапами, заперто, черт, заперто, Димка, Дим, Дим, Дим... Там за дверью этот. Который плачет. Там что-то страшное, еще не знаю, что, но чувствую – страшное. Даже не так, еще нет ничего страшного, еще только будет, но будет, будет, надо его прогнать, там, там...

– А про тебя забыли все, да?

Голос, пахнувший цветами. Маленькая рука теребит мою макушку.

– Бро-осили Тявку, бро-осили... Ути какие глазоньки грустные... Вот так вот Димуля наш поигрался и бросил, да?

Маленькая рука открывает дверь, благодарно машу хвостом, там, там, Дим, Дим...

Димка лежит на ковре, он теперь часто лежит на ковре, опутанный этим, который пищит, обнимает кого-то невидимого, широко раскрывает рот, высовывает язык.

– Дим! Дим!

Не слышит. Так далеко ушел туда, что не слышит, Дим, Дим...

Димка обнимает что-то. Сгущается беда, я прямо-таки чувствую ее в воздухе, она накачивается, хлопает крыльями...

– Дим!

Димка катается по ковру, скулит, извивается, падает на спину, сжимает что-то в брюках, там, там...

Беда приближается, я чувствую ее, но не вижу, не чую, ничего не могу сделать...

Там... там...

– Дим!

Димка вздрагивает, неужели услышал... нет, не услышал, другое что-то, так и есть, что-то там, там, в том мире, который я не вижу... Димка пытается сорвать с горла невидимые руки, не может...

– Дим!

Димка замирает, вытягивается на ковре, как-то нехорошо вытягивается, ступни врозь. Кидаюсь на того, который пищит, швыряю со стола со звоном и грохотом... р-р-р-вать...

– Да он вообще сдурел или как? А? Я вас спрашиваю, он вообще сдурел? Это чего теперь, кого там убьют, тот и тут тоже того, а? А чего мне не сказали? Слышь, этот-то ваш где, которому я платил? А то, я ему башку оторву, в жопу вставлю, чудо-юдо гороховое...

Большой голос ходит по комнате, говорит с кем-то, кого я не вижу, вот этого терпеть не могу, когда с кем-то говорят, а я не вижу... и чувствую, что тот, невидимый – злой-злой-злой...

– Злой! Злой! Злой!

Меня закрывают в комнате, в дом входит кожаный. И странно, что люди не видят, что он злой, злой же, а эта, пахнущая цветами, открывает ему дверь...

– Ну... все при всем, хозяйюшка... готов ваш пасыночек...

– Чш-ш, вы тут не очень-то...

– Прослушивается?

– Да фиг его знает... но вроде бы да... чует сердце мое, нечисто тут у него...

– Ничего, живенько муженька к рукам приберете с вашей-то хваткою...

– Да тише вы при этих-то всех...

Обводит руками комнату. Я знаю, при ком при этих. Они здесь повсюду, на стенах, на потолках, маленькие, незаметные, опять же их не видишь, не слышишь, не чуешь, только знаешь – они есть, и от этого страшно...

– Ну вот... как просили...

– Мадам, что-то много даете...

– За службу хорошему человеку что бы не дать...

Ничего не понимаю, как всегда ничего не понимаю, что там делают эти, большие, высокие, живущие между двумя мирами, миром, который есть и миром, которого нет. Чувствую только одно, там, там, за дверью злой, злой... Проламываюсь в дверь, бросаюсь на того, кожаного, вонзаюсь в горло, он пытается стряхнуть меня, как Димка пытался стряхнуть с горла кого-то невидимого, не выпущу, не выпущу, злой, злой, злой... р-р-р-р-рвать...

2014 г.

Зараза

Знаю, что мне осталось недолго.

Боюсь не успеть.

Они уже идут сюда. Они уже приходили вчера, я обещал, что перестреляю их всех, если войдут. Вроде бы убрались. Не знаю, надолго ли.

Они вернутся. Я знаю, они вернутся, чтобы сделать меня таким же, как они. Или уничтожить.

Они не стерпят, чтобы кто-то был не такой, как они.

– Тише, пацан, успокойся... ничего тебе не будет...

Пацан делает еще один шаг к краю крыши. Мотаает головой.

– Тебя как зовут? – спрашивает Чижин.

Пацан снова мотаает головой.

– Не подходите. Я прыгну...

– Ты... ты устал, ты... тебе передохнуть надо... пойдём... – говорит Чижин, – посидим, выпьем...

Делаем еще шаг. Пацан неловко подпрыгивает, исчезает за краем крыши.

Затухающий крик.

Вздрагиваю.

– Охренеть.

– Вот так оно и бывает... вон что зараза с людьми делает...

Киваю. В который раз хочу спросить, что за зараза. В который раз не спрашиваю.

Вот так оно все и начиналось. Когда я приехал в город, охваченный заразой.

Когда я еще был самим собой.

На улице натываемся на обугленные скелеты.

– Вот так они и умирают, – говорит Чижин, – сгорают изнутри.

– И... сколько это продолжается?

– Да полгода уже.

– Нет... от заражения и до...

– Недели две. Не больше.

– Воду проверяли?

– Да и воду, и воздух, и все на свете... нет, это не инфекция, тут другое что-то... мы уж так про себя говорим, зараза...

Знаю, что умру. Сегодня.

Может, завтра.

– Я их гоню, а ты стреляй, – говорит Чижин. Уходит на ту сторону дома, хлопает дверью подъезда. Крики, топот ног. Распахивается черный ход, бегут люди.

– Стреляю.

Ч-черт, промазал...

Ч-черт...

Девушка падает на тротуар. Подбил...

– Ну ты и снайпер... – фыркает Чижин.

Хочу сказать, что стрелял первый раз в жизни. Не говорю.

Чижин щупает пульс на шее девушки.

– Живая вроде... давай, бери тихонько... неси. Да не бойсь, укол часа два действует...

Чувствую смерть.

Она где-то рядом.

Они тоже где-то рядом. Они идут сюда.

За мной.

Не дамся.

Лучше смерть, чем...

– Показатели в норме... гемоглобин понижен, ну это у них у всех сейчас...

– Да ты на свой-то посмотри, – смеется Чижин.

– Лучше не смотреть.

Еще раз смотрю на показатели, черт возьми, должно же быть хоть что-то не так, должна же быть хоть где-то причина заразы... нет, ничего.

Просто человек вот так ни с того ни с сего сходит с ума.

Заглядываю к девушке. Сидит на полу, перебирает листочки с какими-то каракулями.

– Это что? – спрашиваю у Чижина.

– Вот так они с ума и сходят. Сидят над каракулями... вот эти вот листочки по всему городу собирают и сидят над ними.

– Интересно...

– Что интересного, ты давай заразу ищи... – Чижин напяливает пальто, хлопает меня по плечу, – я в центр на денек, ты тут за главного. Пошукай, может, еще чего обнаружишь. Дверь никому не открывай, тут по городу одни эти... зараженные...

Зараженные...

В спешке записываю свою историю. Боюсь не успеть.

В пустом городе без Чижина было страшно. То есть, не то что бывает, когда начальник тебя первый раз одного оставит, и на тебе все держится, и попробуй ошибись... а по-настоящему страшно. Какие-то всполохи света там, на улице. окрики. Шорохи.

Два раза стучали в дверь.

Я не открыл.

Она все так же сидела на полу. Жанна. То есть, тогда я еще не знал, что ее зовут Жанна. Смотрела на меня, потом снова наклонялась над своими бумажками. Потом снова на меня. и снова...

Какой-то ритуал. Как это бывает у сумасшедших, без конца повторяют одни и те же бессмысленные действия. Кивают головой. Раскачиваются из стороны в сторону. хлопают себя по коленям...

А потом она просунула листок через прутья решетки.

Протянула мне.

Жанна.

То есть, тогда я еще не знал, что она Жанна.

Я взял листок. На нем оказались все те же непонятные каракули. Хотел порвать листок, передумал.

Жанна...

Тогда я еще не знал, что она Жанна.

– Алло, Леш, как слышно-то?
– Плохо слышно-то!
– Ну и ладно, а ты как хотел... вот чего, Леш, ты эту девку там усыпи!
– Совсем?
– Я те дам совсем! Оперировать будем, кажется, понял я, откуда зараза-то эта идет!
Киваю невидимому Чижину. Наполняю шприц, заряжаю пушку.
Прохожу мимо стола, мельком смотрю на листок с каракулями.
Мельком смотрю...
Мельком...
Черт.
С ума я сошел, что ли...
Никакой ошибки быть не может. Вижу свое лицо.
Вот так – из черточек и каракулей складывается мое лицо.
Екает сердце. В голове набатом звучит одно-единственное слово – зараза.
Смотрю на Жанну, она понимающе кивает. Она видит, что я заражен.
Снова смотрю на бумагу...

Жанна...

То есть, тогда я еще не знал, что она Жанна.

– Эта где?

Чижин оторопело смотрит на меня. потом на камеру.

– Видите же, померла... сгорела... жуть такая...

Чижин еще раз смотрит на обугленный скелет.

– Во, блин... как чуяла девка. Да они и правда чувят... сами себя сжигают, с-суки...

Чижин уходит, бормоча проклятия. Перевожу дух. Спину прошибает запоздалый пот.
Обошлось. Хорошо, что Чижин тупой оказался, не заметил, что скелет-то лежит обугленный, а ковер под ним чистехонький.

Подбираю бумажки с каракулями, листаю.

Листаю...

Ничего не происходит.

Хочу облегченно вздохнуть, напрасно я про заразу, мало ли что померещится...

Листаю...

Свет солнца к небесам приколочен
И пыль клубит, придорожная пыль
И там невидима у обочин
Растет трава под названием Быль.
Не каждый знает, на свете где же
Далече от безумной толпы
И в стороне от дорог проезжих
Растет трава под названием Быль.
Она пробилась здесь неслучайно
Лихой насмешкой лихой судьбы
И знает все. И большие тайны
Хранит трава под названием Быль.

Листочки выпадают из рук...

Они идут сюда.

Идут, чтобы сделать со мной то же, что они сделали с собой.

Я знаю, что я им не дам.

Останавливаюсь перед очередной картиной.

Теперь я знаю, как это называется. Картины. Я читал.

Раньше я не знал, что такое – читать.

Раньше я много чего не знал.

Теперь вижу. Вижу женщину на портрете. Это называется портрет. Загадочно улыбается мне. волосы прикрыты странного вида накидкой.

Раньше я не видел всего этого, раньше я различал только пятна. Разноцветные пятна.

Открываю запыленные листочки на запыленном столе.

Читаю.

Но мы глядим на неё с опаской
И недовольно мы морщим лбы,
И люди тянутся к сладким сказкам,
Забыв траву под названием Быль.
И кто-то самодовольный и сытый,
Судьбой жестокой жестоко бит,
Велит полоть и нещадно вытоптать
Вокруг траву под названием Быль.
Века приходят – глухие, темные
Свет солнца над головой остыл,
Никто не верит, никто не помнит,
Что есть трава под названием Быль.

Жанна...

Тогда я уже знал, что она Жанна.

– Вот, гляди, это круг, это Земля наша. Это круг побольше, это солнце. Земля вокруг солнца вертится...

Не выдерживаю.

Чушь полная. Видно же, что солнце вокруг земли... ты на небо-то...

Жанна смотрит на меня. Строго. Киваю. Уже привык ей верить. На слово. Сам еще толком мало что понимаю, зараза еще не зашла достаточно далеко.

– И вокруг луны земля вертится?

– Нет, луна вокруг земли...

Зараза...

– Раньше все зараженные были, – говорит Жанна.

– Когда раньше?

Жанна пожимает плечами. Не знает.

Остальные тоже не знают. Сегодня нас собралось семеро. Меня здесь недолюбливают, потому что я врач. И попробуй им объясни, что не собираюсь я лечить никакую заразу.

– А потом что-то случилось, – говорит Артур.

Он здесь за главного.

– Что случилось? – спрашиваю.
Артур не знает.

– Что, Леш, нашел я заразу-то, – Чижин хлопает меня по плечу.
Вздрагиваю.
– За... заразились?
– Тьфу на тебя, по доске постучи... заразился. Нашел я, откуда зараза эта идет...
– Откуда?
– От этих... листочков с каракулями.
Книги, – думаю про себя.
– Вот-вот, от них все. Поуничтожить, и дело с концом. сегодня и займемся.
Лихорадочно думаю, как предупредить Жанну. И всех, всех...

– Будем держать оборону, – говорит Артур.
Киваю. Артур сегодня мною доволен. Наконец-то я понял модель расширяющейся вселенной.

У Артура уже синие пятна на коже. Значит, ему осталось недолго.
У Жанны тоже синие пятна. Стараюсь об этом не думать.

– Ну, вот видишь, у человека в черепе тут штука такая есть, – показывает Чижин, – крохотная... вот... у самого основания...

Мозг – думаю про себя.

– А у зараженных эта штука на весь череп разрастается. Так вот, дрянь эту удалить, разрастаться нечему будет.

Снова киваю.

– Профилактическая операция... всем новорожденным. И дело с концом.

Молчу.

– Вчера наши облаву устроили, зараженных наловили... вырезал я им эту хрень из черепа, ты прикинь, прошло все... дурь эта...

Холодеет спина.

– А посмотреть на них... можно?

– Нужно.

Чижин толкает дверь, оглядываю двух девчонок, я их узнаю, они меня нет. смотрят на экран, показывают на цветные пятна.

– Ня?

Соглашаюсь:

– Ня.

Вторая девчонка прижимает к себе плюшевого медведя.

– Ми-ми-ми.

Выжимаю из себя улыбку:

– Ла-айк.

Я их знаю. Инга и Света.

Они меня уже не узнают.

– Ну все, давай... в операционную, – командует Чижин.

– 3-зачем? Они же уже...

– Да что они... там вон еще сколько... готовь пушку.

Наполняю шприц. Заряжаю пушку.

Идем с Чижиним к камерам.

Вижу Жанну.

Стреляю в Чижина, он еще оборачивается, еще пытается что-то сказать.
Падает.

Жанны не стало через два дня. Артур умер раньше.
– Раньше люди не умирали от этого, – говорит Жанна.
– Совсем?
– Ну... лет сто жили... с заразой.
– А почему сейчас...?
– Что-то случилось.
Жанна не знает, что. Никто не знает.

Мне сказали, что древние города построили люди.
И еще много чего построили люди.
Тогда.
В те времена.

Они идут сюда.
И смерть идет сюда.
Ко мне.
Думаю, кто кого опередит.
Оствялю записи – тому, кто сможет прочитать.

Жанна...

Мысли путаются.

Может, кто-то поймет, что случилось тогда. И что было тогда. И как это было.

Жанна...
Может быть...
Они идут сюда...
Смерть идет...

2013 г.

Неразрушенный город

Я тогда подумал, что он сошел с ума.
Главное, я тогда еще толком не знал, что с ума можно сойти. И что вообще есть какой-то ум.

Но тогда я сразу подумал – он сошел с ума.

Когда мой учитель прицелился в неё, легкую, воздушную, идущую к нам по тропе.

– Вы... вы что? – только и успел спросить я.

Он спустил тетиву.

Несостоявшаяся гостья упала с простреленным горлом.

– Вы с ума сошли – сказал я.

Вот это я хорошо помню, как сказал – вы с ума сошли. Сказал учителю, на которого раньше и взглянуть боялся, не то, что там что-то спросить.

Помню.

Её тоже помню – маленькую, хрупкую, как она шла к нам по тропинке, еще несла что-то, то ли корзину с фруктами, то ли еще какие-то подарки, цветы, что ли.

Говорила что-то...

– Ой, здравствуйте, насилу до вас добралась по буеракам!

Нет, не то.

– А можно к вам?

Тоже не то.

– А классно вы тут устроились!

И не так. Не знаю, как. Не помню. Голос помню, живой, звенящий, пропитанный солнцем – а слова теряются в прошлом.

А вот со словами учителя наоборот. Хорошо помню, как заворачивал её в простыни, как зарывал её в пустыне – все еще миловидную, все еще не утратившую своего обаяния – приговаривал мне:

– Никогда... никогда таких не подпускай к своему городу. Ты слышишь – никогда!

Я даже не спросил, почему. У учителя нельзя было спрашивать – почему. Там вообще нельзя было задавать вопросов.

Потому что город рождается в тишине.

Учитель...

Он учил меня строить города.

Нет. Не так. Невозможно научить строить город.

Я учился у него...

Тоже не так.

Я просто смотрел. Осторожно. Издалека. Из пустыни – боялся подойти к той невидимой границе, где кончается пустыня и начинается город.

Проще написать – он прогонят меня и бил меня палкой. Но это будет неправдой. Он просто сразу установил какую-то неуловимую границу между нами – границу, которую нарушать нельзя. Я научился чувствовать дни, когда работа у него не клеилась, и нужно было уйти подальше и не смотреть. Я также чувствовал дни, когда работа кипела ключом, и учитель сам хотел, чтобы кто-то наблюдал его труд.

Учитель...

Я не помню его лица.

Может, потому, что так ни разу и не взглянул в его лицо.

Память вообще скупа со мной, прячет от меня то, что мне важно, и выдает какие-то совершенно ненужные образы.

Например – мой первый город.

То есть, первый свой город я не помню – первые свои города люди строят еще когда только-только поднимаются на ноги, делают первые шаги, кладут камень на камень. Я имею в виду первый город, который не упал, не разрушился, не рассыпался в прах, как только дунуло на него беспощадное время.

Учитель видел мой первый город. Кажется, это был первый раз, когда учитель посмотрел на меня. И когда он подошел ко мне, первый раз нарушил какую-то неуловимую грань между нами. Поправил там, переделал здесь – и мой город ожил, заиграл новыми красками.

– Вам нравится? – спросил я.

И тут же зажал ладонями рот – город вздрогнул, вспугнутый моим голосом.

– Хорошо. Только...

Мастер не договорило, махнул рукой, мол, позже поймешь. Я просил его объяснить сейчас, сейчас, – тогда я не знал, что всему свое время, что я не понял бы и половины его объяснений.

Учитель...

Я так и не видел толком его лица – даже когда закрывал ему глаза в день его смерти.

Я сидел на пепелище своего города – города, в который вложил всю свою жизнь и всю свою душу. Я еще пытался восстановить что-то, еще выискивал что-то среди руин, вставлял в погнутые витражи оплавленные стеклышки, – которые выпадали вновь.

Странно, что в этот момент я меньше всего думал о городе.

Я думал о ней.

О том, что она ушла.

Пытаюсь вспомнить, как она пришла первый раз, как я пустил её в город. Да нет, не пустил, она никого не спрашивала, она вошла сама. Как перебирала башни, шпили, я все хотел ей сказать, то нельзя этого делать, не любят города, когда на них смотрят – не то, что трогают. Так и не сказал. Да она и не делала им больно, как-то умела она прикоснуться к городу, и не сделать ему больно.

– Слушай, классненько у тебя получается, а?

Слова в памяти.

Её слова.

Я перебирал остатки города – который невозможно было восстановить. Я уже знал это. Ставил камень на камень – и думал о ней.

Почему-то надеялся, что она вернется.

Надежда – столь же безумная, как надежда на то, что город отстроится снова. Даром, что уже сделала все, что могла, поиграла с моим городом, который разрушился от её прикосновений, вынула драгоценные камни из стен, сняла золотое солнце с самой высокой башни, надела себе на цепочку, как медальон.

Она бросила меня и мой город, нашла нового строителя – где-то там, по ту сторону пересохшей реки. Она вошла в его город – так же легко и смело, как входила в мой.

Слова учителя в памяти:

– Никогда... никогда не подпускай их... к городу.

– Воды испить можно?

– А?

– Воды-то хоть испить можно?

Он стоял возле руин моего города, – одинокий странник, пришедший из ниоткуда. Я показал ему то, что осталось от моей столицы, объяснил, что на обугленном пепелище не найдется ни глотка воды.

– И давно ты так... на руинах?

Я пожал плечами. Я потерял счет времени, – может, прошли года, а может, миллиарды лет.

– У меня тоже так было, – сказал он.

Я молчал.

– Тоже так было... хочешь, можешь всю жизнь так... хочешь, можешь заново...

Я объяснил, что у меня не хватит сил сделать что-то заново.

– Я тоже так думал... а потом ничего..

– Здесь? На руинах?

– Нет, лучше новое место найди...

Я не помню, как нашел новое место. Я не помню, как начал складывать камень на камень – потихоньку, шаг за шагом. Тогда всё было как во сне. Очень постепенно ко мне стала возвращаться жизнь, если это вырастание из пепла можно было назвать жизнью.

Я построил город.

Из пепла, из праха, из песка – я построил город.

Город получился даже лучше тех городов, что были у меня до того – чему-то меня научила эта история с погибшим градом. Да и видно было, что строил его не маленький мальчик, не отрок, не неопытный юноша – умудренный годами мастер. И все-таки город был чуть хуже. Не было в нем какой-то непосредственности, чистоты, какая бывает только в молодости, когда еще не знаешь, что кто-то может прийти и разрушить твой город.

Солнце отражалось на высоких шпилях, и часы на главной башне возвещали колокольным звоном полдень и полночь.

Я замер.

Я не верил своим глазам.

Нет. Никакой ошибки. Она шла ко мне по почти невидимой тропе, песок пустыни бережно хранил каждый её след. Шла, легкая, летящая, несла в руке корзину с чем-то манящим, махала мне рукой...

– Наконец-то до вас дошла... думала, и не найду вас...

Я натянул тетиву...

– Да вы что?

Никогда... никогда... – голос учителя, бережно сохраненный памятью.

– Да вы постойте, я...

...тетива рвется из рук, стрела вонзается в горло несостоявшейся гостье.

Мне дышит в спину город.

Спасенный город.

Заходит солнце, тянутся длинные тени за край земли.

А дальше нужно что-то делать, нужно рыть могилу очередной жертве. Укрывать могилу цветами, как делал учитель.

Иду к жертве. Почему-то хочется первым делом завернуть её в простыню, не видеть остекленевших глаз на бескровном лице.

Заворачиваю тело в простыню, что-то падает на песок.

Не верю своим глазам.

Ключ.

Еще утешаю себя, успокаиваю, ну и что, что ключ, мало ли, подумаешь, какой может быть ключ – но уже вижу.

Ключ.

От города.

Наклоняюсь, пытаюсь докричаться до той, которая меня уже не слышит.

Когда-нибудь я найду этот город.

Или города – мне кажется, у неё было много городов.

Обязательно найду.

Волнуюсь, как-то примут чужой осиротевший город мои города.

Кажется, зря волнуюсь.

Примут.

Они же не люди.

2014 г.

Вера для шамана

Опасность, опасность, опасность...

Я еще не понимал, в чем дело, а моя интуиция уже вопила во весь голос – опасность, опасность...

Снова посмотрел в окно, ничего не увидел, вроде бы военные самолеты не летят, танки по площади не едут, две собачонки сцепились в скверике, вслед за ними сцепились их хозяйка – но это все не то, не то...

И тут я спохватился – она.

Опять она, опять идет сюда, поднимается по ступенькам – ко мне. боже мой... Ага, пронюхала что-то, учуяла, ладно, не мое дело... Главное – начисто все отрицать, да вы что, девушка, я вас первый раз вижу, не было у нас ничего...

А ведь было...

Была она у меня – полгода назад. Во мне все так и всколыхнулось, когда я ее увидел, на точеных каблучках, в норковой шубеечке, золотые перстечки на лапках... Хорошая дамочка из хорошей семьи, вот такие ко мне и ходят.

– День добрый, – надеваю дежурную улыбку, – чем могу быть полезен?

– Ой... а вы судьбу мне можете предсказать?

– Конечно, без проблем, всем предсказываем, точность восемьдесят восемь процентов, предоплата пятьдесят процентов.

– Пятьдесят... – она захлопала длинными ресницами, – а... если платить надо восемь тысяч, то пятьдесят, это сколько... это шестнадцать тысяч, да?

– Что вы, всего четыре...

Посмеиваюсь. Сейчас бы забрал у нее шестнадцать штук, она бы и не пикнула... Ладно, я, конечно, наглый, но не до такой степени.

– Три... четыре. А на десять лет вперед предсказать можете?

– Без проблем, – снова дежурно улыбаюсь, – только... мне годик-два жизни у вас взять придется.

– Ой... а это как?

Снова хлопают длинные ресницы.

– Да... не бойтесь, это не больно... Мне это, понимаете, нужно, чтобы посмотреть вашу жизнь, линии судьбы, вероятности событий... Не бойтесь, я вам потом эти два годика верну, по электронке скину... вы их потом раскройте файлы эти, и годы жизни к вам вернуться...

– Ой... страшновато как-то...

– Да что страшновато, у нас все без обмана, вот, я вам даже чек распечатаю, что два годика жизни займы у вас взял...

Включаю кассовый аппарат, одновременно кладу ладонь на холодный лоб девушки, пудрой он посыпан, что ли, неважно... Считаю секунды, мир темнеет перед глазами, мне кажется, что я задыхаюсь... Это пройдет, пройдет...

– ...все, – долго не могу найти свою руку, убрать ее со лба гостьи, долго раскачиваюсь в кресле, долго возвращаюсь в этот мир, который никак не хочет обретать привычные очертания, – та-ак... – делаю вид, что задумываюсь, – ну... в ближайшие десять лет вы поступите в престижный ВУЗ и с отличием его закончите. Там же, в ВУЗе встретите свою вторую половину, свою судьбу...

– А какой он будет? – огромные глаза вспыхнули.

Та-ак... что бы еще ей напороочествовать, девочке этой... Что девушки в таком возрасте хотят, о чем мечтают, черт их знает... про мужчину я вроде, правильно угадал, даже образ ей понравился...

– Та-ак... вижу, что вас ждет большой успех на сцене... вы же поете?

– Немножко, – она смутилась.

Знаем мы это немножко, горланишь на вечеринках, душа компании... Ни слуха ни голоса, ворона каркнула во все воронье горло... Неважно, главное, красиво наврать тебе...

– Что-то у вас тут с бизнесом связано... фирму свою откроете, что ли... а, свою линию косметики...

Она зарделась. Ага, опять угадал... И вот вся наша жизнь, приходят люди, люди и люди, просят предсказать что-то, подправить судьбу, а мы всегда пожалуйста, к вашим услугам, только дайте нам годик-два вашей жизни, мы посмотрим... Мы вам потом вернем...

Черта с два мы что-то вернем... с того годик, с этого годик, с этого три – глядишь, прибавишь себе к жизни десять лет, двадцать, пятьдесят...

С миру по нитке...

Нет, последние не берем, какого-нибудь старикашечку обирать не будем, с которого песок уже сыплется... Говорят же, последнее и вор не берет... А вот молодых пощипать, это святое, сами виноваты, что на удочку попались, никто насильно в наш лохотрон не тянет... вот так месяцок поживу в городе, посмотрю в театры и музеи, повытяну из людей их года, их богатство, и – дальше, земля наша велика и обильна...

И судьбы... у каждой жизни своя судьба, вот пришел человек, ему на роду написано жить в особняке и править крупной компанией, ан нет, я вытягиваю из него те самые два-три годика, когда будет пик его карьеры, его судьбы, и вот уже мне наперебой летят приглашения из крупных фирм, и откуда-то берутся деньги на хороший домик от трех этажах...

А что? Насильно-то никого к себе не тянем...

Она... нет, черт возьми, она идет сюда... и странно, вроде бы видел девчонку эту в Саратове, нет же, откуда-то принес ее черт в Иркутск, мир тесен... и идет ко мне... Так, главное, все отрицать, пять лет прошло, хрен ты мне что докажешь, я тебя не знаю, никакую судьбу тебе не предсказывал...

– Здравствуйте... а можно к вам?

Так... вроде бы не узнала меня... ладно, попробуем...

– П-пожалуйста.

– А вы мне судьбу предсказывали... не сбылось что-то...

Наивно улыбается... чувствую, как мороз бежит по коже.

– Ну, знаете, это от ряда факторов зависит...

– А может, еще раз попробуете? Может, получится?

Сердце подпрыгнуло. Ого, это что-то новенькое...

– Ну... давайте, попробуем. Только, имейте в виду, вам придется еще годика два жизни мне дать на пробу.

– Давайте... хорошо. А чек выпишите?

Я чуть не прыснул. Дался тебе этот чек, бумажка липовая...

– Да, конечно, и чек выпишем... Так... – я прижал ладонь к ее холодному лбу, высасывая год за годом, удачу за удачей, – так... вижу, что в ближайшие пять лет вы откроете свою фирму...

– Ой, здорово... а отец у меня что-то покашливать начал, он поправится?

– Обязательно. Отцу вашему повышение будет по службе... ого, он вообще куда-то во власть пойдет... а вы в следующем году встретите мужчину, который...

– Документики ваши.

Я обреченно протянул паспорт. Так, держать, не отдавать, а то потом заберут раз и навсегда... нет, выхватил человек в форме мою книжечку, черт...

– Так... прописка где?

– Так проездом на два дня...

– Гхм, много вас таких...

– У меня уже и билет есть до Воронежа, показать могу...

Билет... похоже, придется показывать не билет до Воронежа, а билет банка России, и побольше, побольше. Ничего, командир, договоримся...

– Вот, – я протянул оранжевую бумажку.

– Это что?

– Билет... до Воронежа.

– А почему на этом вашем билете «Хабаровск» написано?

– Так...

Я рассеянно смотрел, как он прячет банкноту. Вроде, пронесло...

– Так... а будущее ваше глянуть можно?

Сердце екнуло. Это что-то новенькое... Не успел обернуться, не успел прикрыть лоб, человек в форме уже вонзился в мое будущее хитроумными приборами, сканировал мои грядущие дни...

– Т-ак... Молодой человек, можно поинтересоваться, почему вам на роду три тысячи лет жить написано?

Я сам ахнул от такой цифры. Много же я взял от людей, ой, много... Полицейский смотрел на меня стеклянными глазами, снова и снова проверял показания своего судьбометра, как я в сердцах окрестил прибор: нет, не врет проклятый экранчик... Да, что-то перебрал я, ну двести, ну двести пятьдесят лет набирают люди – в наследство от погибших родственников, выигрывают в лотерею, но три тысячи...

– А до этого жил сколько? – человек в форме прищурился, – Ивана Грозного не помнишь? А Тутанхамона? Стой, куда понесся-то, дай-ка лобик... тью, это кто ж тебе такую судьбу наколдовал?

Я сам виноват. Можно было сказать, что и правда выиграл судьбу в какой-нибудь лотерее, в шоу, мало ли их сейчас развелось, или еще что...

Сам виноват – даже не задумался, что сказать, бросился через улицы, через ограды, через дворы, в снег, в ночь, в мокрые заросли, бегом, бегом...

Свист...

Сигналы...

Окрики, в ключья рвущие ночь... Так и кажется, что за мной бежит весь город, нагоняет, настигает, захватывает щупальцами со всех сторон...

– Сюда! Сюда!

Так и есть – из каждой двери на меня бросается кто-то, хватает, тащит на крыльцо...

– Сюда! Да скорее же, прячься!

...отбиваюсь, как могу...

– Парень, тебе что, жить надоело? Могу к полиции пустить, иди, разбирайся с ними...

Кто-то толкнул меня в неприметный подвальчик, захлопнул дверь, в таких подвальчиках ремонтируют технику по гарантийным талонам, такие подвальчики завалены проводами, мониторами, внутренностями машин неизвестного происхождения и содержания, большое спасибо, приходите еще...

И правда от пола до потолка набросано черт знает чего, как они сами в этом разбираются... они... кто они... чего ради они меня защищать стали, вот сейчас нагрянет к ним полиция, вот спросит, а такой-то у вас?

Такой-то...

У них уже и имя мое, и паспортные данные, и все при всем, от кого бежал, только хуже себе самому сделал...

– Что, достали тебя понты эти? – сочувственно спросил парень.

Понты... понты... С трудом догадался, что речь идет о полицейских, закивал.

– Еще бы... парень, ты себе сколько жизни набрал? Ничего, что люди столько не живут?

– Ну, в наследство получил, брат у меня в машине разбился, у него еще годы жизни остались...

– В насле-едство... и что, твой брат три тыщи лет жить собирался? Да, парень, с такими годами у нас по улицам не ходят... мои года, мое богатство... – парень пододвинул мне красную кружку с какой-то бурдой, напоминающей кофе, – если бы их где-нибудь припрятать можно было, хорошо бы получилось, верно?

– Где... спрятать? В землю закопать? Надпись написать?

– Ну как вы их в землю закопаете... – парень засмеялся, неожиданно перешел на официальный тон, – года же на флешку скинуть можно, верно?

– И найдут у меня ее при обыске...

– Не найдут... в нашем ломбарде все без обмана, кладете на неопределенный срок, десять процентов в год платите...

– Нехило.

– Лучше в полицию загреметь?

Я прислушался к шорохам там, наверху, так заяц прислушивается к копошению борзых над его норой. Ату его, ату, а ну, Быстрый, ищи! Да, ваша светлость, удалась охота, трех русаков затравили...

– Вы договорчик посмотрите, вот, все без обмана... чуть что, сразу к нам, Курчатова, дом девять, три этажа, красный кирпич...

– Подозрительно как-то...

В дверь постучали – мягко, но нетерпеливо.

– Флешку... давайте, – прошептал я, – как это у вас делается-то?

...настигают...

Вот незадача, настигают. Я в проулок, и они в проулок, я на улицу, и они на улицу, я в арку, и они спешат за мной следом, шелкают подошвами... Полиции, конечно, придраться будет не к чему, только что сдал все свои года, свое богатство всерьез и надолго. Только они, чего доброго, меня в розыск объявили, план-перехват по городу...

– Пойдите! Да пойдите же!

Меня покорило. Ой, пигалица, только тебя мне еще не хватало, чего доброго, и понтов с собой ведешь, или как их там зовут, скажешь, вот этот парень два раза меня обманывал...

– А я вас еле нашла... – она шагнула ко мне, вся какая-то взъерошенная, в задрипанном пальтишке, – сказали, вы в Норильске, а там сказали, вы в Архангельск уехали, а оттуда в Питер...

Еще бы, подумал я, меня еще никто не находил, дольше двух недель в одном городе не задерживаюсь, больно надо накликасть на себя беду... Ты-то как меня нашла, пигалица, вот ведь настойчивая, делать тебе нечего, года свои обратно требовать...

– А вы мне мои пять лет так и не вернули... – спохватилась она, будто читала мои мысли, – что-то не получилось? А то ни одно из ваших предсказаний не сбылось почему-то...

Я тихонько усмехнулся, еще бы они сбылись...

– А год назад у меня отец умер от рака, тоже ничего не сбылось... – она протянула мне две помятые шоколадки, – помянем?

– П-помянем, – отозвался я, оглядываясь, не идет ли полиция.

– А может, еще попробуете? – она подставила мне лоб. Как издевается, ей-богу...

Я пригляделся к ней, к какой-то нехорошей ауре легких, к линии жизни, которая обрывалась во времени где-то близко-близко, вот здесь, к судьбе – какой-то блеклой, серенькой, с темными вкраплениями еще не известных бед... эх, барышня, вытяну из тебя судьбу твою, годы твои, удачи твои, что останется?

– Да не волнуйтесь, у вас получится... может, вы тогда какой-нибудь уставший были... это вот бывает, я вот тоже, когда не выплуну, потом за скрипку возьмусь, ничего не получается...

– Играете?

– Играла... скрипку-то продала, чтобы к вам сюда приехать...

Я прислушался к себе, ощутил непонятную пустоту. Ах да, я же только что свои года, свое богатство в банк подкинул... Что-то маловатенько себе оставил, лет десять, и удачи оставил кот наплакал, так и кирпич на голову получить недолго...

– Ну давайте посмотрим... – я прижал ладонь к неожиданно горячему лбу, что-то как будто вспыхнуло в сердце, – та-ак... скрипка ваша к вам вернется... нет, вру, не ваша, какая-то сильно дорогая у вас будет... чуть ли не от Страдивари... Вижу вас на сцене какой-то... слушайте, это на Кремлевский дворец похоже...

Так, кажется, про Кремлевский дворец я напрасно загнул... Хотя нет, глазенки горят у девки, верит, вот черт, верит...

– Так... годы жизни ваши можно посмотреть?

– П-пожалуйста.

– Ого, это сколько будет... пять тыщ лет, что ли, жить собрались? Вы, случаем, не Дункан Маклауд?

– Случаем нет.

– Судьба-то какая... чем дальше, тем лучше...

– Уж какая есть...

– Это где же вы жизнь такую себе прибрали?

– Скупал.

– Скупали? – человек в форме усмехнулся, – или сжульничали? Знаете, есть сейчас такое, просят годик жизни, два годика посмотреть, судьбу предсказать, так вот кое у кого тысячелетия жизни и набегают...

– Да нет, что вы...

Я усмехнулся. Кто же признается, что жульничал, кто же признается, что брал годик, два, три... Плотный парень получил свой паспорт из рук полицейского, сдержанно кивнул, юркнул в свою машину. Вот черт, не боится расхаживать по улице с пятью тысячами лет за душой... А что бояться, законы-то у нас что надо стали, покупай, продавай жизнь, выкупай судьбу, закладывай в ломбард...

В ломбард... я прислушался к себе, к тихонько тающей во мне жизни, да, что-то поистратился я, пора бы и в ломбард... Тут, главное, не ошибиться, не прощелкать этот красный домик, затертый среди двух высоток... Курчатова девять а... Курчатова девять а... Был там от силы раза два, не больше, уже по себе знаю, это вам не тот дом, который чинно стоит в ряду других зданий, этот дом невозможно найти, это нужно битый час плутать по дворам, закоулкам, чтобы случайно натолкнуться на красное крылечко...

Курчатова, девять...

Ага, есть... горячо, горячо, холодно... теплее...

Курчатова, десять...

Так, рехнулся я, что ли... медленно, медленно, будто блуждая по лабиринту, я обошел высотки, снова вернулся туда, откуда начал свой путь... Курчатова, девять, Курчатова, десять...

– Где Курчатова девять а, не подскажите?

– Да нет такого... – женщина в стеганом пальто посмотрела на меня так, будто я был в чем-то смертельно виноват перед ней.

Нет... Так, весь город сошел с ума... я прислушался к себе – время моей жизни таяло, как-то стремительно таяло, только что, вроде, оставалось лет семь, сейчас года три жизни...

Сам виноват, что так мало себе оставил... И так мало времени найти этот чертов подвал, где сдал в ломбард свои годы... Долго же я не был в Зауральске, уже и забыл все... Начал рыться в сумке, в отчаянии выпотрошил ее содержимое на снег, кому какое дело до моих грязных носков... Найти бы эту окаянную визитку и договор, там номер телефона был...

Вроде бы здесь, в папке... я вытащил папку, затаившуюся среди каких-то термосов и чайников, распахнул – на снег выпорхнули рыбки чешуйки и кусочки змеиной кожи...

В груди зашевелился тихий смешок – вот здорово, не я один здесь шарлатаном слыву... Главное, сам ведь отдавал им свои годы, еще просил побольше взять, да ладно, я себе лет десять оставлю, остальное вам, у вас целее будет... И договор подписывал, да вы не волнуйтесь, у нас все по правилам...

По правилам...

Выигрывает тот, кто первый нарушает правила игры...

Я одновременно в спешке собирал шмотки в сумку и мысли в голову. Найти человека – любого, девушка, девушка, у вас судьба проклятая, давайте я вам просто так помогу... из одной девушки годика два, из другой десять... Кто бы еще клюнул на мою удочку...

– Парень, ты в курсе, что тебе жить года три осталось?

Я подскочил, как подброшенный взрывом – я-то это знаю, а вот ты-то это откуда знаешь...

– Парень, судьба у тебя тяжелая... – продолжал плотный мужчина, шагая ко мне, – ты смотри, я тебе помочь могу... за так... а то что такое, славный такой парень, и пропадает...

Я посмотрел на него, узнал – только что этот мужичок отбивался от полиции, только что допытывались, откуда у него пять тысяч лет жизни...

– Откуда, откуда... вот оттуда... парень, я тебе судьбу подправлю...

– Ну давайте, – я сделал вид, что верю, сжал его руку...

Я набросился на него раньше, чем он на меня, на какие-то доли секунды раньше, этих-то долей мне хватило, чтобы открыть канал, выкачивать из него жизнь. Годы, десятки, сотни лет текли и текли в мое будущее... Ага, отбиваться вздумал... врешь, не уйдешь...

Три тысячи лет... пожалуй, хватит... нет, еще немножко, там у него в будущем что-то хорошее... что-то...

И не отобьешься, не ожидал ты, мужик, что наброшусь на тебя... выигрывает тот, кто нарушает правила игры...

Еще...

Человек обмяк, рухнул к моим ногам... обморок, что ли... я повернул к себе его лицо, отшатнулся, глядя в стеклянные глаза, на тонкие струйки крови на губах...

Я прислушался к себе, не сразу поверил своему счастью – не просто удачная судьба мне досталась, не просто хорошая... Я и не думал, что так бывает, не какие-нибудь там двадцать-тридцать лет – в запасе у этого человека были века, века, мне даже казалось, переходящие в тысячелетия...

И судьба... какая там удача, какое там везение, большой доход и мировая слава – там было что-то большее, много большее, какое-то величие, о котором я даже не мог мечтать, не знал, что так бывает...

Торопливые шаги сзади так и подбросили меня на месте – черт, стою посреди улицы в двух шагах от трупа, и руки в крови, и одежда заляпана... Я свернул в проулок, в другой, в третий, шаги не отставали, кто-то спешил за мной, именно за мной, догонял, настигал, вот ведь черт...

– Пойдите! Да пойдите же! Камышов? Вы?

Черт, этого еще не хватало... Она как издевалась надо мной, эта Вера, чертовка эдакая, еще чего доброго, видела, как я убивал... Нет, не может Вера этого видеть, дура она и есть дура, увидит и то не поймет...

– Камышов! – она выпала из сумерек мне навстречу, тоненькая, хрупкая, в тонкой курточке, – здравствуйте. Вы... я не помешала?

Меня передернуло. Тут, главное, не сорваться, не накинуться на нее, держим марку, держим марку, футуролог, проанализирует ваше будущее...

– Девушка... я домой иду.

– А, вы не работаете сейчас? А можно я к вам завтра зайду? А у вас где офис сейчас? слушайте, я вас еле нашла, сказали, вы в Воронеже, в Воронеж приехала, говорят, вы в Саратове, а там сказали, в Москву улетели, а оттуда в Лондон...

Я еле удержался, чтобы не фыркнуть – денег у тебя, что ли, куры не клюют, голубушка, за мной по всему свету колесить... Посмотрел на драненькие колготки под замызганной юбкой – да, голуба, с деньгами у тебя туговато, и судьба у тебя не ахти, всю судьбинушу свою хорошую мне отдала...

– А то я к вам зайду, понимаете, ваши пророчества не сбылись, может, вы не учли что-то? – бормотала она, щелкая за мной на оббитых каблучках.

– Ну... это много от чего зависит, есть ряд факторов, которые необходимо учитывать, и которые в комплексе могут дать не ту картину, которая ожидалась...

Сказал... сам не понял, что сказал, главное, что-то умное. Да уйди ты от меня, уйди, вот ведь, не отстает ни на шаг, с любопытством разглядывает кровавые пятна на моем пальто... еще чего доброго спросит, что это такое... как не замерзла только на улице, да и закончилась ведь, вон, мурашки по бледной коже...

– А может, попробуете сейчас? – спросила Вера, снова закашлялась, – шар-то у вас с собой... Взяли бы у меня годик жизни, посмотрели бы...

Я обернулся на нее – кто-то как будто хлестнул меня по щеке. Эх, детка, жить-то тебе осталось как раз год, не больше, ты еще какую-то судьбу на себя примеряешь... В голове шевельнулась шальная мысль, забрать у нее последний год жизни, оставить в запасе день-два, уедет в свой Уфалей или где она там живет, там и свалится замертво на перроне...

Нет, что я делаю, сдурел, что ли... Конечно, не было никаких правил, но как-то старались последние годы из людей не высасывать, говорено же – последнее и вор не берет...

– Девушка... выходной у меня сегодня, – строго повторил я.

– Да я понимаю... я к вам, понимаете, только что с поезда... Может, для меня исключение сделаете, а то как-то странно получилось, ни одно ваше предсказание не сбылось...

Я почувствовал, что краснею. Вера, Вера, как ты вообще на этом свете существуешь, как дожила до таких лет, и все еще веришь во все, ты, наверное, на Новый Год не спишь всю ночь, сидишь с фотоаппаратом в углу, ждешь Деда Мороза... Думаешь, весь наш мир – одна большая сказка, да так оно и есть, только сказка очень страшная, и единственное, что отличает человека от животного – умение лгать. На лжи строили мы свою цивилизацию, во лжи родились, во лжи умрем...

– А то, может, вам проверить еще те года, которые вы у меня взяли? А то вы мне их не вернули, может, что-то не так?

– Да откуда ты такая взялась? – взорвался я, – ты что, не поняла, в каком мире живешь? Ты, может, в деда мороза веришь? В Бабайку веришь? Думаешь, детей аист приносит, да?

Она вытаращилась на меня – испуганная, удивленная, огромные глаза на худеньком, бледном до синевы личике, и тут я понял – она действительно не понимала. Сколько жила она на свете – двадцать пять, тридцать лет, и не понимала этого мира, такого темного, мира, грызущего и жующего самого себя тысячи лет...

– Пошли... – что-то как будто опрокинулось во мне, – пошли быстрее...

Я набросил на нее свое пальто, ледяной ветер бросил мне в спину горсть колючего снега, дохнула в грудь поздняя осень. Не помню, как вытягивал руки, как ловил такси, все придерживал Вилю, боялся, что испугается чего-то, сбежит, растворится в осени... Я как будто сам перестал понимать, в каком мире нахожусь, где я, кто я...

– А мне заплатить нечем, – спохватилась она.

– Ничего, ничего, я заплачу. Поехали...

– А вы судьбу мою посмотрите?

– Обязательно... и в качестве компенсации подкорректирую...

– Ой. Спасибо...

– Да не за что... Дайте-ка ауру вашу посмотрю... вот так...

Притворяясь, что смотрю ауру, я обнял ее худенькие плечики, прижал к себе, откуда ей знать, что никакой маг так ауру не смотрит, да и невозможно ее увидеть, ауру эту... Снова что-то перевернулось во мне, дохнуло чем-то давно забытым, из детства, когда весь мир казался таким большим и красивым, и делился на добро и зло, на людей хороших и плохих, на героев и злодеев. Тогда-то я верил, что у меня в жизни все будет красиво и правильно, я-то никогда не буду обманывать, делать кому-то больно, я буду защищать слабых...

Видишь, как нехорошо врать...

Голос матери – из бесконечного далека, мне тогда было года три, украл на кухне эскимо, спрятал под подушкой, потом вся постель была мокрой и липкой, а я все повторял – это не я, это не я...

Стыдно...

Первый раз за столько лет – стыдно...

– Пойдемте...

– Это вы здесь живете? Как красиво...

Да, красиво, Вера, на награбленные деньги построено... вот колонны эти, зеркала, витые лесенки, фонтаны... а у меня еще бассейн, зимний сад... Ты, девочка, и не знаешь, сколько так заработать можно...

Стыдно...

Первый раз за столько лет – стыдно...

– Да вы замерзли совсем... – я сжал в ладонях ее худенькие пальчики, – давайте, что ли, кофейку... у меня эклеры есть...

– А будущее посмотрите? – она смотрит на меня доверчивыми глазами.

Глаза матери... да, у матери были такие глаза, только сейчас вспомнил, столько лет забывал...

– Посмотрю, посмотрю... ауру вашу проверю... карму...

Она не знает, как проверяют карму, она не знает, что для этого не нужно расстегивать блузку, прижиматься щеками к теплой девичьей груди... И почему в объятиях этой хрупкой девушки чувствуешь себя безопасно, как в гнездышке...

...как в детстве...

– А эклеры у вас вкусные... сами печете?

– Ага, конечно... и кофе, знаешь, сам варю, и сам выращиваю, у меня тут плантация кофейная в саду...

Меня разбирает смех.

– А как же зимой? Или у вас там парник?

– Ага, парник... тропический климат...

Верит, всему верит, доверчиво прижимается ко мне мой ангел... Создал же кто-то на небесах такое существо, пустил на нашу грешную землю... И странное дело, только что куча мыслей роилась в голове, и все, нет ни одной, да это и неважно, все неважно, мои аферы, заработки, как я обманывал, как меня обманывали, кто искал меня, кого искал я, весь мой путь – по городам и континентам был проложен только для того, чтобы встретить ее, мы не могли не встретиться...

...прислушался к ее робкому дыханию на широкой постели, кто ее знает, спит, не спит, а может, вот так же прислушивается ко мне. Моя Вера, моя женщина... Она не уйдет, я не позволю ей уйти, мы будем вместе – века, века...

Екнуло сердце. Какие века, черт возьми, ей год жизни остался... Бедная девчонка, я же ее дочиста высосал...

– Вот что... Вера, я тебе тут пару лет жизни хочу вернуть...

– Ой, что вы, неудобно...

Как ты здорово краснеть умеешь, подумал я.

– Да что неудобно... неудобно на потолке спать, одеяло падает...

Она хихикнула. Я обнял ее, прижался губами к ее губам. Лет десять жизни дам сразу же, и судьбу счастливую, а там посмотрим, уживусь я с ней или ет...

Десять лет... эй, стоп, стоп, я только десять лет жизни отдать хотел... двадцать лет... тридцать... кто-то или что-то неумолимо высасывает из меня год за годом, десяток за десятком лет... черт, век за веком... да пусти же ты... дурра... сучка драная... скотина ты эдакая, пусти, пусти, пусти!

Не пускает, пьет и пьет мою жизнь, мою судьбу, мое счастье... посмеивается... вот тварь, долго же она ждала момента, долго высматривала, пока я накоплю достаточно сил, – чтобы прийти, прошибить у меня слезу, прокрасться в мой дом, и...

Я очнулся уже на улице под мерзким снежочком, хорошо хоть дешевую курточку оставила мне эта дрянь... Поймал себя на том, что стою напротив своего дома, который больше не мой, смотрю на зажженные окна... Где-то там она сейчас сидит у камина, пьет кофе...

Долго же мне придется восстанавливать силы... Долго придется карабкаться по лестнице жизни, на последнюю ступень которой меня бросили... Погоди еще, доберусь до тебя, окаянная... Уж дай только до тебя добраться, я тебя не пощажу...

Да никого теперь не пощажу, воруют все, воруют всюду, все вцепились друг другу в плотки, пьют друг из друга кровь, высасывай, а то высосут тебя, и вся цель жизни – подмять под себя всех... Огляделся, ежась под снегом, юркнул в задрипанный трактирчик, завертел головой, выискивая жертву... Вон старичок у стойки чай пьет... высосу из него годика два жизни... ему, может, эти годика два и осталось, а мне-то что...

Побеждает тот...

...кто нарушает все правила...

2011 г.

Принц Джиннистана

– Дворец... ставлю на кон, – бормочет шейх, с трудом ворочая языком, – все... дворец. Давай, что сидишь, ставку делай...

Я поставил на кон еще двести долларов. Маленькая ставочка, позорная, что делать... Больше не дам. Шейх ставит на кон дворец, мне бы в ответ поставить свою квартиру в Воронеже, только куда я без квартиры потом...

Снова завертелся маленький шарик в рулетке. Вот ведь, крохотный шарик, а от него зависят судьбы людей... Наши судьбы... Почему-то крупье усмехнулся, когда я поставил на тринадцать черное, кажется, не надо было ставить... Интересно, как надо играть в рулетку. Может, какие-то молитвы есть, заклинания, а я их не знаю...

Вообще что я здесь делаю... Сiju как в каком-то другом мире, в другом измерении, в моем мире никогда не было белокаменных отелей, зеркальных потолков, пальмовых роц прямо в холле, окруженных бассейнами...

Почему-то здесь неуютно, тянет на улицу, в холод ночи, где море шумит под звездами. Да и выпитое дает о себе знать, сейчас бы правда пойти, лечь на песок, и лежать долго-долго... Я уже три раза порывался встать, большое спасибо за приятный вечер и все такое, шейх грубо хватал меня за плечо, швырял в кресло – сиди.

Обидно прямо, все уже расползлись по своим номерам, я сиди тут, развлекай венценосную особу...

Шарик качнулся в последний раз... ну же... замер над zero... Ладно, черт с ними, с двумястами долларов, куда денешься...

Шарик дернулся, как живой метнулся вправо, замер на тринадцати.

Вот черт...

– Ну... будет тебе дворец... – бормотнул шейх, хлопнул меня по плечу, – поздравляю... Ты где жил? В доме?

– В квартире.

– Это... что? Н-неважно... будешь во дворце... жить...

– Б-большое спасибо, – с трудом выговорил я, – я... спать пойду.

– С-сиди! Давай, ставь на кон что-нибудь...

– Дворец ставлю на кон, – не растерялся я.

– Нечего дворец... давай свои двести...

Я положил на стол злосчастные двести долларов.

– Вот так... что мы на кон-то ставим... Эй, парень, что у меня еще есть? – спохватился шейх, – дворец... нету дворца... Ковер хочешь? Или скакуна тебе... арабского... А, давай сразу... Королевство мое. Джин-нис-тан... Хорошее королевство...

– Эт-то где?

– Эт-то в Азии... Эй, парень, на кон королевство ставлю, слышь?

Только этого не хватало... Ладно, не мое дело. Поставил на семнадцать красное. Интересно, сколько шейх еще проторчит в этом отеле... Если я его каждый день тут видеть буду, он мне весь отпуск испортит...

Отпуск... я и не знал, что такие отпуска бывают, вот что значит класс люкс, все включено... Страшно сказать, сколько я на этот отпуск потратил, машину мог бы купить... а что машину, когда-нибудь надо все это в жизни увидеть... А то и вспомнить нечего будет кроме душевного офиса... Добрый день, компания Прогресс-Гарант слушает...

Пурпурная роза Каира...

Звезда нереального мира, роза Каира...

Снова завертелся шарик. Все, это последний раз, потом пусть шейх говорит что хочет, я иду спать... доползти до номера, вывалиться на балкон, в прохладу ночи, дышать, дышать, вдохнуть в себя все ночное небо со всеми звездами...

Шарик закачался туда-сюда, будто раздумывая, куда приткнуться. Ну давай, приткнись уже куда-нибудь, и я пойду спать...

Глаза закрываются...

– Семнадцать красное, – холодно объявил крупье.

– Твоя взяла, – смуглый человек в чалме поднял на меня покрасневшие глаза, – тво-я...

– Мои поздравления, – крупье протянул мне руку, почему-то боязно было пожимать эту руку.

– Спасибо.

– Как будете распоряжаться выигрышем?

– Да... еще не знаю... Что я там выиграл, страну? Посмотреть бы ее, страну эту...

– Посмотришь... – шейх поднял голову, налил себе еще вина, – самолет... там, на площадке стоит.

– Какой... самолет?

– Мой... теперь твой... только же что выиграл, забыл, что ли? Лети...

Самолет... при одной мысли о самолете внутри все перевернулось, желудок пополз к горлу. Интересно, кто из нас больше выпил, я или шейх... и чего ради шейх вообще пьет, у них же, у мусульман не принято... Ладно, не мое дело...

– Завтра, все завтра... – прошептал я, – в самолет... и в Джиннистан... подданные... ждут...

Комната снова завертелась перед глазами, рассыпалась карточным домиком, потолок упал на стены...

– На остановке остановите.

– Простите?

– На...

Кое-как разлепил веки, спросил себя, что я делаю в маленьком самолете. Такие я видел в фильмах про какую-нибудь мафию, диванчики в салоне, столик сервирован к завтраку, смуглый парень в белых одеждах сидит передо мной.

– А мы где? – спросил я.

– Через полчаса прибываем в Джиннистан, – парень улыбнулся.

– Да вы что...

Посмотрел на часы, понял, что уже утро, что ночные мороки не рассеялись, наоборот, обрели плоть, цвет, запах, с ревом и грохотом летели по небу. Интересно, когда шейх проспится, потребует назад свой Джиннистан...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.